

Вера Кишчева

Лукьяшка

18+

Annotation

Когда Люда устраивалась на работу простой помощницей бухгалтера, она даже представить себе не могла, что вскоре ей придется столкнуться с живым воплощением ужаса всех сотрудников фирмы. Взгляд генерального директора Негласного Дмитрия Анатольевича, кажется, слишком часто возвращается к Люде... И как она ни старалась, но ей не удалось избежать его внимания. Что же теперь делать бедной маленькой глупышке?

Вера Окишева

Глупышка

© В. Окишева, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

— Вставай! — хлесткий приказ заставил меня поднять голову и посмотреть на Босса.

Ну вот, опять злится! И что на этот раз? Я взглянула на предложенную руку, от которой никак нельзя отказаться. Но как же страшно добровольно положить свои пальчики в любезно предоставленный капкан! Я всхлипнула, понимая, что выбора у меня все равно нет. Боязливо взглянула в холодные серые глаза и поняла — вот теперь я точно пропала. Большой Босс еле сдерживал гнев и быстро терял терпение, но я никак не желала подавать ему руку! Слишком уж реалистично представила себе, как он ломает мне пальцы!

Темные брови сошлись на переносице, а глаза недобро сверкнули. И даже длинная черная челка не смогла скрыть этот блеск! Мамочка, как страшно!

Устав ждать, Босс сам взял меня за руку и дернул, поднимая на ноги. От рывка я потеряла равновесие и навалилась на него, а он сжал меня в медвежьих объятиях настолько сильно, что перехватило дыхание. Из глаз тут же брызнули слезы. Я начала задыхаться. Объятия ослабли.

— Уговорила, — ровным голосом тихо произнес мужчина мне на ухо.

Я замерла, не понимая, о чем это он. Я его уговорила? Интересно, когда же я это сделала? И самое главное — на что именно я его уговорила?

— Мы будем встречаться! — торжественно шепнув, он слегка отстранился, чтобы тут же заглушить властным и напористым поцелуем мой вопль, полный отчаяния! Да что вообще происходит?! Почему он меня целует? Кто-нибудь может мне объяснить? Какое «встречаться»? Мамочки! Он ведь не серьезно?

— У меня сегодня праздник! — весело закричала я, влетая в распахнутую дверь квартиры моей подруги Юльки и бросаясь ей на шею. — Ура! Ура! Меня взяли на работу!

Как же чудесно стать одним из сотрудников крупнейшего в Москве рекламного агентства «Гранд Медиа Групп»! Это просто непередаваемое ощущение, что ты не бездарь и больше не безработная. Я уже успела продемонстрировать бейдж родителям, решившим сегодня же организовать праздничный ужин, и на него я хотела пригласить свою лучшую подругу, с которой мы вместе со школьной скамьи.

— И кем? — тут же уточнила Юлька, вчитываясь в черные буквы.

— Помощником бухгалтера! — горделиво отозвалась я и выхватила у нее из рук свой ключ в мир новых возможностей. — А с первой зарплаты я отведу тебя в суши-бар, и мы вдоволь наедемся роллов!

Подруга, радостно взвизгнув, обняла меня, и мы закружились в узкой прихожей. Я громко смеялась, наслаждаясь своим триумфом. До сих пор не верилось, что мне улыбнулась удача и я смогла устроиться в такую крутую компанию. Она входила в топ лучших рекламных агентств России, хотя чем именно она, собственно, занимается, я даже не представляла. Просто знала, что там большие зарплаты, платят вовремя, а для меня это сейчас — самое главное.

— Вот же тебе повезло, — позавидовала подруга, разглядывая печальными глазами мое отражение в трюмо.

Мы с ней одного роста — метр шестьдесят шесть. Я брюнетка, а она — блондинка. Хотя моя мама всегда говорила, что из нас двоих блондинкой должна быть как раз я, а не подруга, так как у нее глаза карие, а у меня голубые. Именно поэтому мы давно мечтали поменяться с ней цветом глаз, ведь кареглазые брюнетки и голубоглазые блондинки намного красивее, чем наоборот.

Я почесала голову, строя смешную рожицу Юлькиному отражению. Мы две неудачницы, которых мамы постоянно отчитывали за внешний вид. Одевались мы в шмотки друг друга, потому что все мои вещи почему-то лучше сидели на Юльке, а ее наряды на мне. То, что мы жили на одной лестничной площадке, облегчало обмен. Наши любимые растянутые свитера крупной вязки отличались разве что цветом. Покупали мы их на распродаже в одном отделе и надевали очень часто, поэтому и выглядели как двойняшки, только я в джинсах, а Юлька с голыми коленками, но в вязаных гольфах. Октябрь в этом году выдался промерзлым.

— Уверена, что и ты сможешь! — заверила я подругу, хотя и понимала, что кривлю душой. Юлька была ленивой, да и ее мама, в отличие от моих родителей, не гнала дочку на работу.

Зато теперь я чувствовала себя самодостаточной девушкой, которую впереди ждали рабочие будни.

— Кстати, у тебя есть черная юбка и белая блузка?

Юлька выпучила на меня глаза.

— Какая гадость! — презрительно фыркнула она вместо ответа, и я была с ней

полностью согласна. Но, увы, дресс-код и корпоративный имидж блюсти мне придется, так как трудовой договор и правила внутреннего распорядка агентства уже подписаны. Правда, и половину из них я прочитать не успела, но меня вполне устроила зарплата, а об остальном пока думать не хотелось.

Мой первый день

— Хочу домой! Зачем вообще я устроилась на эту работу? — тихо жаловалась я себе под нос, подпирая ксерокс бедром и следя за тем, как он методично выплевывает листы один за другим. И так два часа подряд! Скоро ожидалось экстренное совещание, и финансовому отделу требовалось предоставить сводные таблицы за последний квартал. И как только в бухгалтерии мне решились доверить сверхответственную роль копировальщицы? А вот моему животу было глубоко безразлично, какую такую суперважную работу я делаю. Он утробно бурчал, ругая меня за то, что я пропустила обед. Ну а когда мне есть, если меня посылают то в один отдел, то в другой, и самое противное — никто не говорит, где находится нужный кабинет. Мне приходилось самой его искать, и конечно же я блуждала в бесконечных коридорах четырех этажей, которые занимало наше агентство в громадном бизнес-центре! Можно подумать, я всю жизнь мечтала работать девочкой на побегушках. Теперь, чтобы я смогла перекусить, нужно было доделать работу, и тогда мне дадут долгожданный отдых!

Я взглянула на себя в зеркало. На мне мамина юбка, ушитая с боков, блузка времен школьной юности, туфли лодочки — «богиня офиса». А точнее, королева крысиного офисного царства! Мама мне еще старческий пучок на затылке скрутила, чтобы совсем убить во мне гордость. Да кто же придумал этот дурацкий дресс-код! Он же не передает индивидуальности. А еще рекламное агентство! Оказалось, тут только начальники ходили в чем им вздумается, а холопам вроде меня такое не позволялось.

— Вот это еще! — в зеркале рядом со мной появилась моя непосредственная начальница Алика Георгиевна, пышнотелая брюнетка, смотрящая на меня сквозь толстые стекла очков как на муху. Три увесистые пластиковые папки упали на стол на те, что я еще не откопировала. — И поспеши, через два часа начнется совещание, Большой Босс приедет.

— Большой Босс? — повторила за ней я и получила кивок в ответ.

— Генеральный директор «Гранд Медиа Групп» Негласный Дмитрий Анатольевич.

Все же в этом агентстве все ненормальные. Я проводила взглядом покачивающую бедрами Алику Георгиевну. Я не понимала ее пафоса. Зачем обычного генерального директора обзывать Большим Боссом?

Ксерокс замолчал, и я позабыла о нашем разговоре. У меня было полно работы, чтобы еще отвлекаться на чьи-то прозвища.

Двадцать пять копий пришлось распихать по папкам, а потом нести в конференц-зал, где другая помощница расставляла бутылки с водой. Пить! Как же я хотела есть... Но и вода бы стодилась! Разложив возле каждого места на столе папки, я робко подошла к незнакомой девушке и, поприветствовав ее, представилась, заодно помогла ей расставить бутылки и стаканы. В итоге Ольга вручила мне лишнюю бутылку. Я выпила ее чуть ли не залпом, но все равно желудок ворчал, прося пищи. Мама всегда называла меня троглодитом, говоря, что я ем за четверых. Конечно, это неправда! Просто у меня растущий организм, ведь мне всего двадцать один год! Мне нужна энергия! Эх... Только Юлька меня понимала.

Ольге повезло, она занималась еще и закусками. Напроситься ей в помощницы и в этом «тяжелейшем» деле, увы, я не могла себе позволить. Пора было возвращаться в бухгалтерию. Ну почему я не секретарша? Взгляд упал на стол-тележку с закусками. Я робко оглянулась, прижимая руки к животу, который все настойчивее требовал еды. Ну когда же обед?

Алика Георгиевна отпустила меня перекусить лишь через полчаса, когда услышала устрашающее урчание моего желудка. Кажется, она испугалась его. Я видела, как она вздрогнула и уставилась на меня. Я же попыталась скромно улыбнуться, но, видимо, неудачно, так как меня сразу же отослали обедать. Неужели я так плотно улыбаюсь? Надо будет взять на заметку.

Влетев в кафе на первом этаже, я долго выбирала, чтобы мне такого съесть, но, увидев запредельные цены, быстро сникла. Купив лишь салат «Цезарь» и чай с булочкой, я сидела и приглядывалась к хорошо поджаренным кусочкам хлеба, прятаясь под листьями салата.

— Сейчас-сейчас, мои хорошие. Сейчас я вас съем, — радостно пообещала я им и взялась за вилку.

О, какое блаженство! М-м-м, как вкусно хрустят на зубах огурчики. А соус просто выше всяких похвал. Я аккуратно обмакивала в него кусочки хлеба и, прикрыв глаза, медленно жевала, чтобы прочувствовать каждую нотку многогранного вкуса. Обожаю поваров, которые умеют готовить с душой.

— Как же вкусно, — протянула я с восторгом, закручивая в лист салата помидорку вместе с тонким ломтиком куриного мяса. Окунув их в соус, я с большим удовольствием отправила все это богатство в рот.

Оглядев зал, я обратила внимание на мужчину за соседним столом, обедавшего в компании, наверное, друга. Тот размахивал руками так, словно говорил про рыбалку. А вот его собеседник не сводил с меня своих холодных серых глаз. Он держал в руках чашку, но, кажется, совсем про нее забыл. Я по институтской привычке приветливо улыбнулась ему и помахала рукой. Как приятно знакомиться с новыми коллегами! Здание бизнес-центра было огромной высоткой. Наше агентство занимало с двадцать первого по двадцать четвертый этажи, так что мои соседи вполне могли быть из другой компании. Но все же приятно осознавать, что я одна из тех, кто работает здесь и имеет право поглощать эти кулинарные шедевры. Это тебе не в студенческой столовой питаться или гамбургеры в рот заталкивать.

Мужчина не изменился в лице, лишь сузил глаза. Приветливой улыбки я не дождалась, зато мне позвонила начальница и потребовала поторопиться. Нет, ну зачем я вообще вышла на эту работу? Невозможно столько работать! Еще только четыре часа, но я уже валяюсь с ног, а к шести вечера буду просто выжатым лимоном, как тот, которым окропили эти зеленые листья салата.

— Эх, быстрее так быстрее, — расстроено вздохнула я и попыталась запихнуть весь салат в рот, запивая чаем сухарики. Затем так же быстро расправилась с булочкой и чуть не поперхнулась от того, что чая не хватило. Вдруг мне протянули стакан с водой, и я, с благодарностью взглянув на обладателя серых глаз, выпила всю воду до капельки.

— Спасибо! — выпалила я, вставая. — Вы спасли меня от жажды!

Мне не ответили, хотя при этом пристально разглядывали. Немного смутившись, я попрощалась и побежала к выходу. Обернувшись уже у самой двери, я помахала рукой мужчине, который так и остался стоять возле моего стола, а его сосед с открытым от удивления ртом рассматривал меня будто диковинку.

Хмыкнув, я рванула к лифтам, чтобы вернуться на свой двадцать третий этаж. После

того как подкрепились, работать стало веселее, да и самой работы стало в разы меньше. Ничего серьезного как новичку мне не поручали, вот я и бегала по поручениям. К концу дня я уже довольно сносно ориентировалась, в каких кабинетах какой отдел. Но запомнить специалистов не удалось, так как большинство заседало на совещании, поэтому мне приходилось на свой страх и риск оставлять документы на рабочих столах с записками, от кого это и кому.

А как только стрелки указали на шесть, наш дружный коллектив ветром сдуло с рабочих мест. Я просто поразились этому явлению и попыталась, взяв с них пример, тоже быстро уйти с работы. С моими коллегами спустилась на лифте на первый этаж, невольно подслушивая их планы на вечер и радуясь, что скоро так же смогу оттянуться. Вот получу зарплату и... Ну а пока мне оставалось лишь грустно вздыхать.

День второй

Вчера я решила, что обеды теперь буду брать с собой, так как, подсчитав свои накопления, поняла, что питаться в кафе почти две недели, пока не дадут аванс, у меня никаких финансов не хватит. А так выходило и дешево, и сердито! Поэтому в моем симпатичном полиэтиленовом пакете лежал большой пластиковый бокс с едой, и я уже предвкушала, как в обед сяду за столик в кафе и нормально поем. Утренняя поездка в метро вымотала меня. Наверное, именно это поспособствовало тому, что желудок слишком быстро переварил легкий завтрак, проглоченный на ходу, и теперь неприятно сжимался от голода. Но что поделать, ему придется потерпеть. Я так вчера устала, готовя себе обед, что чуть не проспала!

Еще и Юлька вечером заходила, хвасталась тапочками-зайчиками, которые ей подарила мама. Я слышала восторженные вопли подруги даже через стенку. Праздничный ужин, посвященный кардинальным переменам в моей жизни, прошел, как обычно, в узком кругу. Мои родители, тетя Нюра, мама Юльки, и мы с ней. Все почему-то расхваливали Юлькины тапочки, а не меня. Но указать на сей факт я как-то не решалась. Подружка не могла нарадоваться и через каждые пять минут целовала маму в щеку и задирала вверх ноги, любуясь своими зайцами. А у тех глаза собирались в кучку от каждого движения. Мне было немного обидно за невнимание. Зато мама постаралась и запекла в духовке курочку, и это в некоторой степени компенсировало мои переживания. Она получилась настолько вкусной, что мы съели все, и мне пришлось самой готовить себе обед. Эх...

Зайдя вместе с народом в кабину огромного лифта со стеклянными стенами, я обернулась и увидела идущих к подъемникам знакомцев из кафе. Двери начали закрываться, но я быстро выставила ногу и приглашающе махнула им рукой:

— Быстрее заходите!

За моей спиной послышался шепот. Я поздоровалась с сероглазым и его другом, который ответил на мою улыбку. Надо признать, что она у него была совершенно бесподобной. Я даже на миг забыла, как дышать. Вот это красавчик! Почему-то вчера я этого не заметила и только сейчас оценила по достоинству. Пусть он невысокого роста, зато широкоплеч, глаза ярко-карие, чуть желтоватые, нос горбинкой, черные волосы по-модному зачесаны набок.

— Меня зовут Роман. А вас? — протянул он руку. Я, неловко перехватив пакет с контейнером, радостно пожалала ее и представилась:

— Меня зовут Людмила, я работаю в «Гранд Медиа Групп».

С нескрываемой гордостью я продемонстрировала ему свой бейдж.

Мужчины посмотрели на него и почему-то усмехнулись. Называть фамилию я не видела смысла, раз Роман не сказал свою, тем более что она была написана на карточке.

— Мы тоже оттуда, — сказал Роман, поглядывая на сероглазого молчуна.

Я робко оглянулась на людей за своей спиной, которые продолжали тихо шептаться, и, скорее всего, обо мне. Это были коллеги из отделов стратегического и творческого планирования. Они тут же замолчали, но почему-то давились от смеха. Я смутилась. Наверное, здесь не принято так знакомиться.

Двери лифта открылись на двадцать третьем этаже, я обернулась к Роману и незнакомому брюнету с серыми глазами, помахала им и направилась к себе в бухгалтерию, мысленно настраиваясь на работу. Нужно очень усердно работать, чтобы потом спокойно поесть!

В обед я спустилась в кафе, поздоровалась с барменом, попросила его разогреть в микроволновке мою еду и заказала себе чай. Потом устроилась за столом возле окна и оглядела зал в поисках знакомых. Ни Романа, ни сероглазого молчуна среди посетителей не было, хотя, возможно, они обедали в другое время. Очень странным мне показалось то, что они работали в нашем агентстве, а бейджи не носили. Видимо, они из руководства, в итоге решила я. Наш начальник финансового отдела тоже ходил без бейджа. А главный бухгалтер Марина Аркадьевна носила его всегда в кармане и доставала, только чтобы открыть дверь. Если Роман один из начальников, то я должна забыть и о нем, и о его очаровательной улыбке. Кто он, а кто я. Словно земля и небо. Я усмехнулась. Получалось как в дешевом любовном романчике: нам никогда не быть вместе, даже если наши чувства взаимны.

— Ой, — испугалась я своих мыслей и махнула рукой, отгоняя воображаемого Купидона с луком и стрелой. Какие чувства? О чем я?! Он мне всего лишь улыбнулся!

Ароматный запах риса с гуляшом отвлек меня от размышлений о работе и красавчике-брюнете. Какая может быть работа, когда меня ждет такая вкуснотища!

Во время обеда я позвонила маме, потом подружке, потом папе. Все интересовались, как у меня дела, не обижают ли. Я заверила каждого, что все хорошо, а с Юлькой договорилась о пробежке, а то она опять перестала влезать в любимые джинсы.

* * *

Раскатистое эхо шагов в холле огромного бизнес-центра «Айсберг» не заглушал даже надоедливый голос помощника. Папка в руках от нетерпения жгла ладонь. Опять Роман чуть не завалил контракт, и нужно было срочно исправлять положение, пока клиент не сорвался с крючка! Ну и дела! Вечный круговорот, ни секунды покоя, даже во время обеда. Глянцевая поверхность ботинок Manhattan Richelieu из крокодиловой кожи ловила блики десятков ламп над головой. Золотые часы Frédérique Constant четко отсчитывали каждую секунду. Деловой костюм Pal Zileri скрывал спортивное тело, привыкшее к ежедневным двухчасовым тренировкам в спортзале.

Нелюдимый и расчетливый Дмитрий Анатольевич привык быть всегда впереди конкурентов, так как от него зависели судьбы его сотрудников, которые преданно смотрели ему в глаза, готовые выполнить любой приказ. Лентяев и лоботрясов Большой Босс не терпел

и безжалостно увольнял. Его цепкий взгляд замечал любые недостатки как своих подчиненных, так и врагов.

Его правая рука Роман Аристархович Бобров не мог похвастаться такой же выдержкой. Он, как и прочие, восхищался трудоспособностью босса и пытался соответствовать, но пока это было ему не по силам. Характер не тот. Сейчас он торопливо шагал рядом с Дмитрием, пытаясь не отставать от друга, и давалось ему это с некоторым трудом.

Перелистывая очередную страничку отчета, Негласный вдруг остановился. Секретарши, которые несли портфели своих начальников, воспользовавшись паузой, пытались отдышаться, жалобно глядя в спину непробиваемого Большого Босса. А тот задумчиво стал смотреть через стеклянную дверь кафе.

Роман проследил за его взглядом и обрадовался.

— Хорошая идея! Давай перекусим, прежде чем поедem на встречу. А то от голода не соображаю ничего!

Дмитрий усмехнулся и покачал головой, делая очередной шаг в сторону выхода на улицу.

— О нет, друг, — простонал Роман. — У нас есть еще час, даже с учетом пробок. Ну давай хоть кофе поьем.

Секретарши переглянулись, жалея Милого Босса, так страдающего из-за начальника. Все знали, что именно он был их надежной защитой от гнева Большого Босса, и очень любили Романа Аристарховича, хотя тот и слыл известным бабником.

Серые глаза оценивающе прошлись по фигуре друга, после чего узкие губы презрительно скривились. Роман возрадовался, когда его друг и начальник развернулся в сторону кафе, а не на улицу:

— Спасибо тебе, Господи! — прошептал он, вознося взгляд к потолку.

— Не обязательно так официально, — вполоборота бросил Большой Босс.

Секретарши прыснули в кулачки и передали повеселевшему Боброву портфели, а сами откланялись и вернулись к лифту.

Заняв свободный столик, Негласный заметил, как напряглись некоторые обедающие, и лишь одна посетительница не заметила появления начальника. Она весело трещала с кем-то по смартфону, покачивала ногами и ела домашнюю еду из прозрачной пластиковой коробки. Темные густые волосы заколоты в пучок, белая блузка со смешным воротничком-стойкой, черная юбка до колен, немного сутулая спина... Девушка вела себя так, словно находилась в кафе одна. Она весело и заливисто смеялась, иногда прикрывая рот рукой с зажатой в ней вилкой. Она была словно не из этого жесткого делового мира, где выживал сильнейший, где крупная и хищная рыба съедала более слабую. Таких, как эта Людмила, часто принимал на работу отдел кадров, вот только они быстро растворялись в привычном планктоне офисных работников, забывались, а потом незаметно увольнялись.

Роман принял меню из рук официанта и, кроме кофе, заказал еще и борщ.

— Тебе то же самое? — уточнил он у Дмитрия, а тот указал на девушку.

— Мне то же самое, что у нее, — невозмутимо произнес Негласный.

— О, опять эта девушка! — оглянулся Роман на ту, что заинтересовала его друга. — Смешная такая.

— Простите, но это она принесла с собой, — робко попытался объяснить Большому Боссу молодой человек, нервничая и опасаясь нагоняя.

Холодный взгляд отвлекся от созерцания двигающихся полных губ девушки и перекинулся на официанта.

— И что? Я хочу то, что ест она.

— Эй, Дим, ты чего? — удивился Роман, понимая, что сейчас разразится скандал. — Тебе что, действительно так хочется ее еду? Кажется, это обычный рис.

Большой Босс не ответил и больше не смотрел ни на кого, только на девчонку и ее вилку, нырнувшую в приоткрытый рот. Напряжение возрастало, и Бобров понял, что Негласный не сдвинется с места, пока не получит желаемое.

— Да что с тобой? — расстроено шепнул Роман, но все же встал со стула, попросив официанта принести тарелку и столовые приборы для Дмитрия.

Милый Босс смело подошел к столу Людмилы, и та радостно поздоровалась. О чем друг разговаривал с девушкой, Дмитрий не слышал, но от одного взгляда на него девушка вспыхнула, собственнически обняла коробку с едой и нахмурила брови.

* * *

При появлении Романа на сердце стало как-то теплее. Словно он почувствовал, что я думала о нем. Или, возможно, Купидон мне не привиделся и привел ко мне золотоглазого красавчика?

В мечтах я уже представляла нашу свадьбу, когда он вдруг умоляюще попросил отдать мой обед своему другу. Я проследила за рукой Романа, которая указывала на сидящего за столом молчаливого брюнета. А почему он сам не подошел? Может, он немой, раз за него просил его друг? Я с сожалением в последний раз посмотрела на сочные кусочки мяса, потом подняла глаза на сероглазого. Я ведь не жадная? Вопрос, конечно, был риторическим, но хотелось услышать мнение своего желудка. Тот промолчал, соглашаясь со мной, и я, отрывая еду от сердца, сказала лишь одно:

— Коробку только верните. Она у меня одна.

Я мученически улыбнулась Роману, понимая, что должна показать ему свои самые положительные стороны. Ведь нас пытался свести сам Купидон! Вдруг у меня промелькнула мысль, что Роман просто прикрывается другом, а сам не прочь отведать мой обед, поэтому выпалила:

— Я сама это приготовила.

Он так улыбнулся, что я, словно мороженое на летнем зное, начала таять и стекать к его ногам лужицей. О, какой же он милый!

— Обязательно верну, — пообещал мне повелитель моего сердца и удалился, а я осталась одна с чашкой остывшего чая. В кармане опять ожил смартфон, а на экране высветилось имя начальницы. Ну вот и закончились полчаса счастья.

Привлекая к себе внимание, я помахала рукой Роману, который аккуратно выкладывал в тарелку рис, стараясь не разбрызгать подливку, затем нерешительно подошла к их столу и робко заявила:

— Мне надо идти.

Мужчины посмотрели на меня как-то слишком настороженно. Официант, который обслуживал столик, тоже занервничал. Я нахмурилась, не понимая их настроения, и вдруг почему-то вспомнила, как подкармливала одну собаку. Она рычала, когда я пробовала отодвинуть ее от миски, чтобы положить добавку. Даже укусить пыталась, думая, что я хочу отобрать лакомство. Со стороны ситуация сейчас выглядела примерно так же, поэтому я

замахала рукой, опережая их преждевременные выводы:

— Я за контейнером. Я не собираюсь отбирать у вас еду. Не бойтесь.

Я продемонстрировала пакет и крышку. Роман вновь заулыбался, выскреб остатки и протянул мне бокс.

— Приятного аппетита, — пожелала я сероглазому молчуну, мысленно жалея его. Тяжело, наверное, вот так вот сидеть и молчать.

Но стоило мне войти в отдел, как я сразу позабыла обо всем на свете. Меня завалили работой по самую макушку! Нужно было разобрать по папкам документы и не дай бог что-то перепутать.

* * *

На следующий день, едва войдя в кафе, я сразу заметила молчуна и Романа. Увидев меня, тот встал, встречая как родную, и расплылся в приветливой улыбке. А сероглазый, сложив руки на груди, не отводил от меня взгляда. Я растерялась, боясь подойти к ним, но Роман ухватил меня за локоток и подвел к их столу.

— А мы тебя ждем, проголодались уже. Вот это тебе, угощайся.

Я в ступоре рассматривала салат «Цезарь», тарелку с борщом и лазанью. Еще одна тарелка с супом явно принадлежала Роману, на второе он предпочел пасту с морепродуктами, а вот перед его другом ничего не было.

— А что ты сегодня приготовила? — спросил Роман и нагло забрал мой бокс. — Ух ты, котлетки с вермишелью! Да ты садись-садись, Людочка, мы для тебя это все заказали.

Растерявшись от происходящего, я не села, а рухнула на стул. Тут появился расторопный официант, поставил перед сероглазым пустую тарелку, а Роман переложил на нее мой обед. Я сглотнула слюну — от аппетитного запаха борща у меня едва не закружилась голова. Роман склонился над тарелкой друга, придерживая одной галстук рукой, а другой махая над тарелкой, ловя исходящие от котлеток ароматы и расхваливая их, словно уже попробовал.

Когда же он сел за стол, я сообразила, что есть мою еду собирался только его немой друг. Наглость, конечно. Но что поделать, инвалид ведь, не наорешь и тарелку не отнимешь. К тому же вон какие блюда взамен моему скудному обеду заказали!

— Приятного аппетита, — пожелала я сероглазому, затем улыбнулась Роману, и мы принялись обедать.

После первых же ложек я не смогла сдержать восторг. Я не скупилась на похвалу изумительному борщу, в котором очень хорошо чувствовался насыщенный вкус телятины. Моя мама предпочитала варить его на тушенке, поэтому такого вкусного навара не получалось.

Все это я рассказывала мужчинам. Роман поддерживал разговор, а немой чинно ел мои котлетки, жмурясь, как кот на солнце. Как-то так само собой получилось, что я съела все: и салат, и суп, и лазанью.

— М-м-м, — потянулась я, счастливо улыбаясь. — Наконец-то я сыта! — Потом погладила свой животик, отметив, что серые глаза на миг потеплели.

Нас, кстати, так никто и не представил, а самой спрашивать имя было неудобно. Не ответит ведь, а у Романа допытываться тоже как-то неприлично, тем более когда его друг сидит рядом.

Поблагодарив за сытный обед, я прихватила пустой бокс и попрощалась с мужчинами. Я была на седьмом небе от гастрономического счастья. В кафе работал шеф-повар поистине экстра-класса, потому что вкладывал в блюда всю свою душу.

Но хорошее расположение духа улетучилось, когда я увидела фронт работ. И зачем я устроилась на работу! После сытного обеда полагается поспать, а не пахать как проклятая до самого вечера!

На следующий день прежде чем войти в кафе, я с опаской заглянула в него. Роман и его друг уже были там, и все повторилось, как вчера. Меня силком усадили за их стол, а я похвалила себя за то, что решила разнообразить рацион и принесла с собой домашних пельменей. Маму как раз пробило на них. Целых два пакета в морозильнике ждали своего часа. Сегодня осталось полтора. Я с гордостью поставила бокс перед сероглазым и торжественно открыла.

— Мы с мамой вчера сами лепили, — честно призналась я, поскольку таких, как у мамы, пельменей у меня не получались. А если вдруг Роман будет просить их у меня после свадьбы, то у него появится повод восхищаться тещей хотя бы за это. К тому же мама у меня очень покладистая женщина, и я не сомневалась, что со временем Роман полюбит ее. Ведь с чего-то же надо начинать его знакомство с моими родителями. Хотя бы заочно. Я взяла ложку, положила пельмени Роману и его другу, и попросила их попробовать. Видеть довольные физиономии мужчин было на удивление приятно.

Мне же в этот раз позволили самой выбирать блюда. Так и начались наши обеденные посиделки. Я старалась каждый день приносить что-то новенькое, радуясь как маленькая, что никто не хает мою стряпню.

Полный провал

Я совсем не ожидала, что через две недели мне поручат нечто большее, чем копирование документов. Но мне доверили кофемашину! Меня определенно повысили в должности, хоть и временно, конечно. Просто помощница секретаря Ольга заболела, и мне велели подготовить стол в конференц-зале. Я сначала разложила папки, потом сбегала за бутылками с водой, затем расставила стаканы. Когда в зал стали заходить первые начальники и директора, у меня было все готово, и я стояла, умирая от страха, поскольку даже приблизительно не знала, чего от меня могут потребовать эти уважаемые серьезные люди. За время работы большинство из них я уже видела, кроме самых главных.

— Большой Босс опаздывает? — уточнил наш арт-директор Ярослав Николаевич.

Молодой еще, а уже директор. Правда, одевался как метросексуал. Мы еще с Юлькой смеялись над ним, когда я делилась с ней новостями. Увидев его в первый раз, я подумала, что это актер или ведущий телешоу, но все оказалось намного прозаичнее. Мы с подругой пришли к единому мнению, что дизайнерские шмотки порой портят людей. Причем не только внешне, но и внутренне. Ярослав Николаевич был очень заносчив и излишне требователен.

— Нет, будет в срок, — отозвался начальник финансового отдела Бродский Антон Васильевич.

Остальные тихо шептались, явно обсуждая нашего Босса и директора отдела стратегического планирования. Я заметила в коридоре движение и через прозрачную стену

увидела сероглазого немого и Романа!

И тут вдруг я вспомнила имя директора отдела стратегического планирования, даже с карточкой на столе сверилась, и в панике смотрела, как мои знакомые входят в дверь конференц-зала! Я пропала! Сердце в груди боялось лишней раз стукнуть, чтобы не привлечь ко мне излишнего внимания.

— Приветствую всех, — холодно произнес сероглазый и, не глядя по сторонам, сел в кресло, любезно отодвинутое секретаршей. Голос у него оказался низкий, с хрипотцой. У меня же от удивления открылся рот — две недели ел мою еду и словом не обмолвился. Не поблагодарил ни разу! Роман пел мне дифирамбы, какая я молодец, а этот только хмурился и молча жевал!

— Людмила! — радостно позвал меня Роман. Тут же холодные глаза нашли меня, и мне стало обидно вдвойне.

Легкий кивок и ничего больше?! Я сглотнула, поражаясь коварству некоторых. А затем опять в шоке уставилась на того, кто сел на место БОЛЬШОГО БОССА! Наверное, у меня сегодня случится сердечный приступ. Как так получилось, что за четырнадцать дней я ни разу не видела нашего генерального директора? Столько раз сталкивалась с ним нос к носу, и никто не сказал, кто это. А я его еще и кормила!

— Сделай мне кофе, — приказной тон Ярослава Николаевича вывел меня из ступора. Я бросилась к кофемашине и налила кофе в небольшую чашку. Но от стресса у меня так тряслись руки, что я чуть не выронила ее, пока ставила на поднос.

Подумать только, я сидела за одним столом с Большим и Милым Боссами и болтала обо всем подряд! И тут я вспомнила, как вчера нечаянно под столом пнула по ноге гендиректора. Как он тогда сжал кулаки и разозлился! Роман долго его успокаивал, а я просила прощения.

Ой! Чашка вместе с блюдцем все-таки соскользнула с маленького подноса, упала и откатилась под журнальный столик. Благо хоть не разбилась, потому что на полу лежал толстый ковролин, на котором теперь образовалось большое коричневое пятно от кофе.

Что же теперь будет? Как мне быть? Я присела, чтобы поднять посуду и услышала треск. Моя юбка разъезжалась по шву!

Я испуганно оглянулась. Кажется, никто не услышал ничего подозрительного, и все занимались обсуждением. На меня смотрел один Большой Босс. Одной рукой я сжала подол юбки, свободной рукой поставила чашку с блюдцем на поднос и попробовала как можно более естественно встать.

— Так я дождусь свой кофе? — нервно прикрикнул на меня Ярослав Николаевич, а я растерялась, не зная, что делать. Как выпустить края юбки, если шов распоролся чуть ли не до пояса?

Держа в одной руке поднос, а другой зажимая юбку, я бочком добралась до кофемашины. Взяла чистую чашку и поставила ее наполняться. Выбрав нужную кнопку, я замерла, поправляя выскальзывающую из липких пальцев ткань. Вдруг голоса директоров затихли, а мне на плечи упал согретым чужим телом пиджак. Умопомрачительный аромат мужского парфюма окутал меня плотным коконом. Это было так неожиданно и невероятно. Сердце чаще забилось в груди, а внутри началась паника, так как я не понимала, что происходит. Почему Большой Босс это сделал? Его джентльменский порыв оказался так кстати, что я никак не могла подобрать слова благодарности. Я пребывала в полной растерянности, язык просто отнялся.

Но вдруг все изменилось.

— Иди домой, — приказал мне Большой Босс, и я поняла, что это мой полный провал. И как я могла подумать, что генеральный директор хочет защитить меня? Об этом не могло быть и речи. Мало того что я позволяла вести себя с ним на равных, так еще и опозорилась на его глазах. Он ведь увидел, как рвалась на мне юбка. Не мог не увидеть. А сейчас смотрел на меня как на пустое место — холодно и безразлично.

Всхлипнув, я попыталась снять пиджак, но тяжелые ладони сжали мне плечи.

— Иди в нем.

Ну вот и все. Моя мечта о хорошо оплачиваемой работе лопнула как мыльный пузырь. Я попрощалась с изумленными начальниками, которые просто потеряли дар речи, видя мой позор, и, кажется, даже сочувствовали. Бросив взгляд на Романа, я заметила его печальную улыбку. Моя трудовая деятельность закончилась, так толком и не начавшись.

Я шла по коридорам, с трудом сдерживая рыдания. Долго приходила в себя в туалете, и лишь после тонны ледяной воды мне удалось очухаться. Правда, я смыла весь макияж, зато уже могла хоть и с трудом, но улыбаться. Как же досадно уходить вот так нелепо, из-за порвавшейся юбки!

Зайдя в бухгалтерию, чтобы забрать свою сумку, я сказала начальнице, что меня уволил Большой Босс, попрощалась со всеми и отдала бейдж. Не обращая внимания на косые взгляды, я на автомате накинула пиджак прямо на пальто, спустилась на лифте и вышла на улицу. Слава богу, что рядом с нашим бизнес-центром постоянно стояли такси, я села в одно из них и поехала домой. Водитель косился на непонятно как одетую девицу, да еще и в разодранной юбке, но от комментариев воздержался. И на том спасибо.

* * *

— Что это?

К концу дня Дмитрий очень устал и пребывал совершенно не в настроении. Вместе с другими документами его личный секретарь Аня принесла приказ на увольнение. На обычных предприятиях увольнениями сотрудников занимаются их непосредственные руководители, но Негласного такой порядок не устраивал. Раньше за его спиной часто увольняли тех, чей вклад в предприятие был неоценим. Именно поэтому эту неприятную миссию он возложил на свои плечи, но сейчас не понимал, почему перед ним лежит этот листок, к тому же требующий его подписи.

— Это приказ на увольнение Самохиной Людмилы Олеговны.

— На каком основании? — удивился Дмитрий, беря лист и вчитываясь в строчки. Основание — собственное желание работника.

— Дмитрий Анатольевич, вы же сами сегодня утром ее уволили, — неуверенно шепнула Аня. Прекрасно зная Большого Босса, она видела, что тот разозлился.

Он разорвал приказ на мелкие кусочки, а затем выбросил в корзину.

— Где ее заявление на увольнение?

Анна растерянно моргала, чувствуя, что попала в ловушку. Ведь заявления не было, лишь слухи о том, как жестоко начальник обошелся с подчиненной. Дмитрий увидел, как секретарша еле заметно пожалала плечами, и прочитал полное непонимание в ее взгляде, в котором затаился страх. Как и большинство сотрудников агентства, она очень боялась потерять работу из-за обязательств перед семьей.

— Заявления нет, — сжимая пальцы, все же решилась объяснить Анна. — Девушка ушла, как только вы ее уволили.

— Я никого не увольнял, — холодно заявил мужчина и вернулся к прерванному занятию — изучению отчетов по маркетинговым исследованиям.

Анюта немного постояла, не понимая, что, собственно, произошло и кто ее решил таким образом подставить.

— Иди, — приказал он женщине, и та с облегчением вышла из кабинета начальника.

День сюрпризов

Настоящая подруга — это та, кто поддержит и в печали, и в радости. По этой причине мы с Юлькой провели ночь вместе. Моя мама, привычная к таким посиделкам, немного проконтролировала процесс распития спиртного, не забывая подкармливать нас. Она пообещала мне, что все наладится, что юбку можно и зашить, а работу найти новую. Когда я рассказала из-за чего меня поперли с работы, родители тут же на меня набросились со словами, что я много ем и растолстела, поэтому на мне одежда трещит по швам. Лишь Юля возразила, что все дело не в моих бедрах, а в самой юбке и истончившихся нитках, которые хранились у мамы еще со времен СССР. Я, встав на весы, убедилась, что прибавила лишь два килограмма. При росте сто шестьдесят шесть сантиметров весить пятьдесят пять килограммов — это нормально. Значит, есть можно!

Мама Юльки тоже посочувствовала мне, но лучше бы промолчала. Тетя Нюра была уверена, что с моим-то аппетитом со мной давно могло произойти нечто подобное. А вот Юля, дескать, много не ест. Мы с подругой переглянулись, но удержались от смеха. Не ела она только на глазах у родительницы, а у нас в гостях уминала все за обе щеки.

После ухода соседки я показала подруге пиджак Большого Босса. Юлька почти визжала от восторга, проверила все шовчики, прочла все бирки, проверяя по инету, сколько может стоить такая прелесть. А узнав цену, выпучила глаза и приказала убрать пиджак в шкаф и посоветовала завтра утром обязательно отнести его хозяину, иначе родителям век не расплатиться, если я его испорчу. Я, конечно, догадывалась, что начальник в простых бутиках не одевался, но чтобы под заказ из Италии? Зачем? Транжира...

После распитой вечером на четверых бутылки вина я утром с трудом открыла глаза. Где-то на смартфоне звонил будильник, который я забыла отключить, а когда наконец-то я нашла его, то от удивления разинула рот, да так и осталась стоять. Это был не сигнал будильника, а вызов с неизвестного номера. Немного засомневавшись, я осторожно взяла телефон. Может, звонят из компаний, куда я отправляла резюме?

— Алло? — неуверенно произнесла я.

— Здравствуйте, — ответил красивый женский голос, — вы Самохина Людмила Олеговна?

Женщина явно была немного встревожена, и я решила, что что-то случилось с родителями, которые уже ушли на работу.

— Да.

— Это секретарь генерального директора «Гранд Медиа Групп» Анна Витальевна. Немедленно поднимитесь ко мне в приемную.

Связь оборвалась. Я ничего не успела сказать и уставилась на дисплей, который

показывал девять часов три минуты. Немедленно? И как это она себе представляет?

Тут я вспомнила про пиджак. Точно, пиджак! Нужно отвезти его на работу! Юлька же говорила, что он дорогуший! Я аккуратно сложила его в пакет, потом еще в один, чтобы уж наверняка не испачкать. Потом надела красную юбку, белый вязаный свитер, желтое пальто, вязаную шапочку, так как на улице было ветрено и прохладно. Сонная подруга вышла меня проводить, а заодно пойти домой.

— Ну и гад же твой начальник! Хотя все начальники гады, — напутствовала меня она, смачно расцеловав в щеки.

Возможно, в этом была доля правда. Большой Босс меня обидел, и сильно. Да и Роман тоже. Я же думала, что нравлюсь ему, а он просто решил поиграть со мной. Радовались небось, что я их не узнала. Права Юлька, гады они.

Постоянно зевая, я доехала до центра города, время от времени посматривая на часы. Полчаса! Ого! Я добралась в рекордно короткие сроки, хотя обычно путь до работы занимал минут сорок.

В холле вышла заминка. У меня больше не было бейджа, и меня не пропускал охранник, поэтому пришлось звонить секретарю Босса. Анна Витальевна, конечно, подтвердила, что это к ней, и когда я вошла в лифт, то наконец-то смогла перевести дыхание. Оказывается, очень неприятно, когда тебя вот так на глазах у всех останавливают. Стыдно, только не понятно, за что. Словно я ломилась в святая святых, куда вхожи лишь избранные.

Прислонившись спиной к стенке лифта, я поглядывала на индикатор этажей. На двадцать четвертом двери открылись, и я оказалась на директорском этаже. Здесь все было не так, как у нас. Сразу напротив лифта стояла круглая стойка ресепшен, где три девушки, приветливо улыбаясь, ожидали, когда я к ним подойду. Все эти красавицы были облачены в белые блузки и красные жакеты. Шейные платки в тон триколора компании «Гранд Медиа Групп» — красный, оранжевый и белый. Волосы уложены безупречно, волосок к волоску.

— Вы к кому? — любезно уточнила самая ослепительная из них — блондинка с ярко-красными губами и белыми зубами, как с обложки модного журнала.

— К Анне Витальевне, — отозвалась я, нервно сжимая в руках пакет.

— Я провожу, — отозвалась брюнетка, выходя из-за столика.

Я сглотнула, поражаясь тому, как в юбке до колена можно выглядеть настолько соблазнительно. А высота ее каблучков была для меня просто смертельно опасной, но девушка на них шла ловко и непринужденно, покачивая бедрами. Вот это мастерство!

Меня ввели в дверь с табличкой «Приемная», где меня встретила строгая блондинка примерно тридцати лет, высокая, стройная и такая же красивая, как те три богини на ресепшен, только она была в бледно-зеленом платье, обтягивающим ее стан будто вторая кожа.

— Сколько можно вас ждать, Людмила Олеговна!

От такой отповеди я растерялась. Они и так меня уволили, чего им еще надо?

— Я была дома, — ответила я, стараясь держаться уверенно. — Даже не позавтракала, сразу приехала. Вот!

Я протянула пакет. Анна Витальевна нахмурилась, глядя на него так, словно я предлагаю ей что-то неприличное.

— Что значит «вот»? — холодно переспросила она.

— Пиджак, — пояснила я. — Пиджак генерального директора.

— Ах, это, — успокоилась секретарь начальника, тут же забрала пакет и положила его

на свой стол. — Я не из-за этого вас вызвала. Кто вам сказал, что вас уволили?

Я стянула шапку, поскольку в приемной было тепло. Странные вопросы. Столько свидетелей моего позора, неужели непонятно?

— Как кто? — удивилась я. Вспоминать вчерашний ужас жутко не хотелось.

— Вот именно — кто? Вы хоть знаете, что устроили своим уходом? — накинулась на меня рассерженная секретарша, и я поспешила отступить на пару шагов. — Такой переполох! Никто не получал никаких указаний о вашем увольнении, и заявления от вас нет. Вы бухгалтер или кто? Не знаете процедуру увольнения? Почему ушли без заявления?

— Ах, это... Простите, — пробормотала я и, обходя женщину, подошла к ее столу. — Можно лист? Сейчас напишу.

Ответить на мою просьбу Анна Витальевна не успела, потому что пока она открывала рот, открылась и дверь в приемную.

Большой Босс замер на пороге, оглядывая сначала Анну Витальевну, которая ойкнула и, сложив руки на животе, испуганно смотрела на генерального директора, затем холодные глаза нашли меня, заставив замереть.

— Заходи, — приказал он мне и прошел в свой кабинет.

Сглотнув горечь, я испуганно выпучила глаза на секретаря, та показала мне на дверь кабинета начальника. Я замотала головой и хотела сбежать, но опытная секретарша преградила мне выход и подтолкнула к дверям директорского кабинета, которые остались открытыми.

Я вздохнула. Чему быть, того не миновать. Схватив пакет со стола секретарши, я вошла в кабинет генерального. Он стоял возле окна уже без пальто все такой же элегантный, в деловом костюме серого цвета. Короткие волосы зачесаны назад, лишь длинная челка красивой волной уложена набок. Туманные глаза смотрели на меня как и прежде холодно. Аж мороз по коже.

— Спасибо, — буркнула я и протянула директору пакет.

Он, в отличие от секретаря, не стал спрашивать, что это, а просто открыл пакет, достал другой, затем из него вытащил пиджак, который немного помялся. Затем Босс кивнул, встряхнул пиджак и, подойдя к своему креслу, набросил его на спинку.

— Почему вы в таком виде?

Я оглядела себя, не понимая, что не так.

— Нормальный вид, — обиженно надула я губы.

— В нашем агентстве строгий дресс-код. Юбка должна быть черной.

— Но я...

Возразить мне не удалось, потому что Босс продолжил:

— И не такая короткая.

— Но...

Моих попыток объяснить генеральный даже не слушал.

— Никаких «но» и никаких исключений. Переоденьтесь.

— Но я...

Босс опять зыркнул на меня так, что я чуть не прикусила язык.

— Обед строго по расписанию, не опаздывайте.

— Да какой обед?! — вот тут я и взорвалась. — Вы меня вчера уволили! Я просто привезла вам ваш пиджак!

— Я вас не увольнял. Свободны.

— Что? — опешила я. Тем временем генеральный сел в кресло и, не глядя на меня, включил компьютер. — Повторите, что вы сказали?

— Проблемы со слухом? — улыбнулся в ответ Босс, и я вдруг поняла, что он опять надо мной смеется.

— Нет, проблем нет.

Я растерянно вышла в приемную и прислонилась спиной к двери.

— Людмила Олеговна, — шепотом позвала меня Анна Витальевна, — что он вам сказал?

Я взглянула на нее исподлобья и буркнула:

— Он меня не увольнял.

— И? — нетерпеливо подгоняла меня секретарь.

— Сказал переодеться.

— И все?

Я онемела. Ей что, этого мало? Мне же было более чем достаточно, поэтому я направилась к секретарскому столу и попросила бумагу с ручкой.

— Зачем? Вы что, увольняться собрались? — зашипела секретарша. — Даже не думайте! И быстро идите домой переодеваться!

— Вы издеваетесь? Мне сорок минут ехать домой, а потом еще обратно!

И вообще, как она себе это представляет? Я же не скороход! И почему мне нужно переодеваться? Напишу заявление и забуду как о страшном сне и о Большом Боссе, и о Романе, а заодно и о юбке!

Раздраженно цокнув языком, Анна Витальевна схватилась за телефон и набрала чей-то номер.

— Мария, бегом ко мне, у нас ЧП!

Я мяла шапку, не понимая, какое такое у них тут ЧП? Зачем секретарь сгущает краски? Начальник посмеялся надо мной и вроде уже не очень злой. А эта как на иголках.

Мария оказалась той самой брюнеткой, которая меня сюда привела. Анна Витальевна, подхватив меня под локоть, вывела из приемной и строго приказала недоуменно оглядывающей меня Марии:

— Быстро сходи с ней в магазин и купи приличную одежду. Срочно! Босс не в духе!

Марию последнее замечание как будто подстегнуло, и она, словно буксир, потянула меня к лифтам.

— Слушайте, я вообще-то домой собиралась, — возмутилась я и попыталась вырваться.

— Никаких «домой»! Анна Витальевна сказала, что вас надо переодеть. Вы зачем в таком виде пришли и разозлили Большого Босса? Он знает как строго относится к имиджу агентства!

— Я уволена!

Мария не поверила.

— Если бы вы были уволены, то меня не отправили бы с вами в магазин!

* * *

Магазин, в который меня силком приволокла Мария, располагался в торговом центре в соседнем здании. Девушка уверенно шла мимо сверкающих витрин, не оглядываясь по

сторонам. А вот я в таких местах была редким гостем, поэтому, раскрыв от восхищения рот, никак не могла наглядеться на всю эту роскошь. Бутики пестрели витиеватыми названиями, прочитав которые с первого раза не всегда получалось, а запомнить и подавно.

— О, Мария, — промурлыкал знакомый голос, и мы остановились возле Милого Босса. Потом он заметил меня и еще больше расплылся в приветливой улыбке: — Людмила, как я рад встрече! Что у нас сегодня на обед?

— Ничего, — обиженно буркнула я, уставившись на свои руки, сжимающие шапку.

Он что, совсем совесть потерял? Улыбается каждой знакомой так, словно съесть хочет. А я-то надеялась, что эта улыбка предназначена только мне.

— Оп-па, — напряженно выдохнул Роман. — Ты что, Людочка? Решила нас без обеда оставить?

— Меня уволили! — не выдержала я такого изощренного издевательства.

Схватив меня за плечо, Милый Босс изменился в лице и уже не выглядел милым. Черты его лица заострились, и он казался злым хищником.

— Кто посмел?

— Большой Босс, — пискнула я в ответ.

Роман вновь преобразился и рассмеялся.

— Да ну. Не может быть. Тут какая-то ошибка.

— Я ей о том же твержу. Анна Витальевна отправила нас купить Людмиле приличную одежду.

Роман осмотрел меня и хмыкнул.

— А мне Люда и в этом нравится. Но раз Анечка сказала, то нужно исполнять, — обратился он к Марии, и та ответила ему такой многообещающей улыбкой, что я почувствовала себя лишней.

— А обязательно здесь покупать? У меня нет денег на такие вещи, — в присутствии Романа я набралась наглости указать Марии на то, что она упустила из виду. Бутики рассчитаны на богачей!

— Позволь сделать тебе подарок, а взамен ты окажешь мне услугу. — Роман обнял меня за плечи и так выразительно посмотрел в глаза, что мое сердце на секунду остановилось, а затем забило как сумасшедшее. Все же он так красив, наш Милый Босс. Правильно ему выбрали кличку. Правда, разум настойчиво вопил о ловушке. Бесплатного сыра не бывает!

— Какую услугу? — робко уточнила, пытаясь удержаться от соблазна положить голову на плечо Романа.

— Никогда не пропускай обед.

Я вырвалась из объятий мужчины и надулась.

— Я ничего с собой не взяла, так как считала, что меня уволили.

— Не важно. Сегодня что-нибудь придумаем, а завтра все как обычно, договорились?

Мария от удивления открыла рот. Вряд ли она понимала, о чем говорил Роман, но это повергло ее в шок. Ну а я, тяжело вздохнув, согласилась. Делать-то ничего не оставалось. Где я найду другую работу? А тут и кормят, и одежду покупают, лишь бы приносила для Большого Босса плошку с домашней едой.

Я кивнула Роману, в душе ликуя, что опять смогу видеть его каждый день. Но все-таки спросила:

— Скажите, а почему вы сразу не сказали, кто вы? Зачем издевались?

Роман погладил меня по волосам и сказал:

— А если бы мы сказали, как бы ты себя повела? Сбежала бы, так?

Я согласно кивнула. Понятное дело. Кто я, а кто они.

— Вот поэтому и молчали.

— А почему Босс все время молчал? Я подумала, что он немой.

Роман рассмеялся, вновь обнял меня за плечи и повел дальше по коридору. Глаза Марии, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Он вообще мало говорит, поэтому не обращай внимания. С детства молчун. Зато очень умный и прекрасно во всем разбирается.

— Это я уже поняла.

Я не могла не заметить, что агентство процветало. Когда я копировала отчеты, то видела, что прибыль с каждым кварталом увеличивалась. Пока я размышляла, Мария обогнала нас и открыла дверь, приглашая войти в бутик женской одежды. Приветливые продавцы, завидев Романа, стойкой собрались возле него.

— Приветствую вас, мои красавицы.

Вот как так легко он умудряется всего одной улыбкой покорять женские сердца?! Мы с Марией переглянулись и попытались справиться с ревностью, которая, наверное, читалась на наших лицах. Не одна я была без ума от Милого Босса.

— Девочки, помогите этой очаровательной девушке подобрать одежду для офиса. Людмила, иди сюда.

Я вздрогнула, когда в меня одновременно вонзились пять пар колючих глаз. У меня пропало всякое желание приближаться к этим пираньям в обличии продавщиц, которые со всех сторон обступили Романа.

— Эту красавицу надо одеть так, чтобы наш обожаемый Большой Босс остался доволен.

Враждебность в глазах девушек сменилась сочувствием, и меня взяли в оборот. Полчаса мытарств в примерочной кабинке! Строгие оценивающие взгляды Романа и Марии! И все это я стерпела лишь потому, что мне нравилась одежда. Юбки обтягивали бедра, но это не мешало ходить. Блузки украшали меня, а не превращали в безликую тень. Еще Роман попросил подобрать жакет, заботясь о моем здоровье, ведь в бухгалтерии было немного прохладно. Наш начальник вечно задыхался, поэтому приходилось включать кондиционер даже в холодную погоду.

Из примерочной я вышла уже нарядная, но мужчина покачал головой, указав Марии на мои ботинки. Девушка в ответ понимающе кивнула. Расплатившись за мои новые вещи, Роман и Мария привели меня в обувной бутик, где все повторилось. Продавцы, завидев Милого Босса, побросали свои дела и обступили его плотным кольцом. Он со всеми поздоровался, участливо поинтересовался, как им работается, все ли устраивает, и только через пять минут мне стали подбирать удобную обувь для офиса.

Я старалась не смотреть на цены, так как сердце обливало слезами. Да я на такие деньги могла бы полгода есть все, что вздумается! Новые туфли на невысоком каблуке вместо целого полугодия обжорства!

Мария придирчиво осмотрела меня со всех сторон, поправила ворот блузки, немного поддержала рукава и осталась довольна. Роман светился от радости и зачем-то поцеловал меня в лоб.

— Красотка.

Я опустила голову, потирая место поцелуя. Щеки обдало жаром. Неужели я ему нравлюсь? Или он всем это говорит? Я так запуталась в отношении Романа ко мне, что

боялась поверить в свое счастье. Он поцеловал меня! Как же это мило! Еще и оплатил все покупки, хотя Мария должна была вычесть все потраченные деньги из моих премий, согласно правилам агентства. Чуть до инфаркта меня не довела. Это сколько же я без премий сидела бы? Пару лет точно!

Мы вернулись в бизнес-центр. В руках у меня был пакет с моими старыми вещами. Роман и Мария поехали на лифте на директорский этаж, а я вышла на своем.

— Не забудь про обед! — напутствовал меня Милый Босс, прежде чем дверцы лифта отрезали нас друг от друга.

Совершенно опустошенная морально, я вошла в бухгалтерию и поздоровалась с коллегами, которые явно не ожидали вновь увидеть меня.

— Я вернулась, — прощebetала я и помахала всем рукой, сдетонировав бомбу всеобщего изумления.

Главный бухгалтер ругала меня от всей души, бухгалтер по зарплате ей поддакивала. Оказывается, они уже успели рассчитать меня. А потом личный секретарь генерального чуть не вкатала всем выговор за то, что нарушили закон. Несколько лет безупречной работы коту под хвост, и все из-за меня! Мне было очень стыдно. Я так их подвела! Я долго перед всеми извинялась, но, увы, меня не простили, сочтя мою выходку детской и глупой.

Я сидела за своим столом и поглядывала на сердитых коллег. Никто со мной не разговаривал, работы не давал. Я взглянула на часы — половина двенадцатого. Что делать с обедом? Я решила позвонить Юльке, она должна была уже проснуться.

— Ты чего так долго? — буркнула та в трубку, прежде чем я успела открыть рот.

— Представляешь, меня, оказывается, не уволили. Поэтому я на работе.

Оглядев пустой стол и коллег, прислушивающихся к нашему разговору, я заметила, как они пренебрежительно усмехнулись. Бойкот устроили мне знатный. Я вздохнула и попросила подругу:

— Ты не могла бы привезти мне обед?

— То есть тебя правда не уволили?

— Неа, — мотнула я головой и тихо рассмеялась. Сейчас вся ситуация в конференц-зале казалась даже забавной.

— Как так? Сказал тебе, что уволена, а теперь забрал назад свои слова?

— Он не говорил, что увольняет меня, а просто прогнал.

Подруга шумно вздохнула. Я почти видела, как она, нахмурившись, чешет пятерней затылок.

— Ничего не поняла. Если он не сказал тебе, что ты уволена, то с чего тогда ты так решила?

Я пожалала плечами и крутанулась в кресле. Я сама не знала, почему так решила. Просто мне тогда так показалось. Может, от страха в голове что-то перемкнуло. Одним словом, я устала объясняться со всеми. Куда важнее был обед!

— Принесешь поесть? — жалобно спросила я у подруги.

— Хорошо, жди. Как приеду, позвоню.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — запищала я в трубку.

— Дурочка, — отозвалась Юлька и отключила связь. А я, улыбнувшись, перевела дыхание. Ну вот, вопрос с обедом решен. Осталось пережить его и как-то наладить отношения с коллегами.

Но, увы, все мои попытки не увенчались успехом. Никто не смотрел на меня, опасаясь

гнева начальницы. А вот она явно хотела взглядом прожечь во мне дырку. При этом велела мне не отвлекать других от работы. Я уселась на свое место и сидела, копаясь в смартфоне, пока за мной не пришел Роман Аристархович.

— Людочка, — обозначил он с порога свой приход, раскрывая для меня свои объятия. — Ты готова?

Я встала и скромно улыбнулась ему, замечая, как радостные улыбки, появившиеся с приходом Милого Босса, тают, а лица моих коллег вытягиваются от изумления. Даже главный бухгалтер, которая подошла к начальнику, замерла, пораженно глядя на меня. Я же попыталась побыстрее покинуть бухгалтерию, но увернуться от объятий Романа не получилось. Он крепко сжал одной рукой мои плечи и, попрощавшись с коллегами, повел меня по коридору к лифту.

— Вам не обязательно было за мной приходить, могли бы и позвонить, — смутилась я от такого внимания.

— А разве у меня есть номер твоего телефона? — усмехнулся в ответ Роман.

Я не сразу поверила своему счастью и чуть не задохнулась от неконтролируемой радости. Но в этот момент зазвонил мой смартфон. Это была Юля. Приняв вызов, я быстро ответила:

— Да?

— Я тут, внизу, — буркнула подруга. Видимо, пыталась пройти мимо охраны. Я хорошо знала Юльку. Она всегда была настырной и нагловатой, а когда что-то было не по ней, становилась злой и колючей, как сейчас.

— Я уже спускаюсь.

— Кто это? — поинтересовался Роман, не переставая светиться мягкой улыбкой.

— Подруга принесла обед! — не стала скрывать я.

— О, отличная новость! — обрадовался Роман и, когда на первом этаже открылись двери лифта, наконец отпустил мои плечи, а жаль. Было так приятно стоять в его объятиях. Напряжение от бойкота, устроенного мне коллегами, как рукой сняло, и душу словно согрело солнце.

Я поспешила к выходу, пронеслась мимо генерального директора, быстро кивнув ему на ходу. Недалеко от него нашлась Юля, недовольно разглядывающая холл и турникет, разделяющий нас. Я приложила бейдж к турникету и бросилась к ней.

— Вау! — пораженно выдохнула Юлька, разглядывая мой новый наряд. — Это как?

Я оглянулась на Романа и, улыбаясь, пальчиком незаметно показала подруге на него. Милый Босс смотрел в нашу сторону, разговаривая с Большим Боссом. Тот мрачно следил за мной, прищуривая серые глаза.

— Не поняла, — напряженно протянула Юля, разглядывая моих начальников.

— Это мне подарил Роман, тот, который улыбается.

— Зачем? — сразу посерьезнела подруга.

Она была у меня жутко недоверчивая и вечно во всем искала подвох. Вот и сейчас она нахмурила брови и поджала губы.

— Чтобы я не опаздывала на обед, — с улыбкой ответила я и осторожно забрала из ее холодных пальцев пакет с пластиковым боксом.

— Чего? — не поверила мне подруга, и я прекрасно ее понимала.

Ведь и так ясно, что ради такого никто не будет наряжать женщину. А может, я ему все же нравлюсь? Хотелось бы. Я опять оглянулась на мужчин. Они оба были очень

привлекательными. Вот бы генеральный еще так отталкивающе не хмурился, а то словно вечно чем-то недоволен. Роман махнул мне рукой, и я, поблагодарив Юльку, чмокнула ее в щеку.

— Эй, дома чтобы все мне рассказала! — крикнула она мне вдогонку, а я ужом протиснулась между створками турникета.

— Хорошо! — бросила я ей через плечо и поспешила в кафе за мужчинами.

Вдруг ожил мой смартфон, но я его смогла достать из сумки только тогда, когда села за стол. Пакет с едой я поставила на столешницу. Звонила Юля. Роман достал бокс из пакета, а я приложила трубку к уху и замерла, вытаращив глаза на огурцы, порезанные тоненькими кружочками, и на пакет обезжиренного кефира.

— Забыла тебе сказать. У тебя же дома никого, поэтому я попросила мою маму собрать для тебя обед. Она сказала, что ты растолстела и тебе пора на диету. Так что прости, но ты на диете. Там огурцы и кефир. Думаю, до ужина ты на этом как-нибудь протянешь.

— Какая еще диета? — чуть не со слезами на глазах шепнула я в трубку.

— Люда, прости. Я хотела купить тебе пирожок, но забыла взять с собой деньги. У меня только проездной на метро в кармане.

— Ладно, ничего страшного, — постаралась я приободрить ее, боясь поднять глаза на мужчин. Убрав смартфон, я решительно придвинула к себе бокс и пачку кефира. — Меня посадили на диету, — угрюмо объяснила я изумленным начальникам и взялась за вилку.

— Людочка, какая диета, ты и так стройная! — Роман был, как обычно, слишком добр ко мне.

Но я с хмурой решительностью запихивала в рот огурцы. Может, тетя Нюра и права. А то юбки по швам уже трещат.

Начальники заказали себе комплексный обед, а я скучающе тыкала вилкой в зеленые кружочки огурцов. Вот же тетя Нюра добрая, кефир обезжиренный от щедроты душевной выделила.

Смотреть на ароматный суп-пюре в тарелках мужчин я не могла, поэтому с еще большим остервенением стала накалывать огурцы на вилку. Роман пытался разговорить меня, но я не поднимала взгляд, чтобы не видеть, как он смакует кусочки котлеты по-киевски, которая украдкой «поглядывала» на меня. Когда же мне в бокс положили целую котлету, я пораженно взглянула на Большого Босса. Он раздраженно бросил вилку на стол и, откинувшись на спинку стула, сложил на груди руки.

Роман замолчал и, не отрывая взгляд, следил за другом. Ну а я, не выдержав, с радостным предвкушением схватила за вилку. От удовольствия я разве что не мурчала. Насыщенный вкус мягкого мяса в сочетании с сочными огурцами был как бальзам на мою душу. Я благодарно улыбнулась начальнику, который через несколько минут заказал себе кофе.

— А я слышала, что много кофе нельзя, — прожевав, сказала я.

— Я ему сколько раз об этом твердил, но он просто жить не может без крепкого кофе. Даже проснуться утром без него порой не может.

Я заметила, как недовольно Большой Босс мазнул взглядом по разговорчивому другу, но тем не менее промолчал.

— Мой папа тоже кофеман, — поделилась я с мужчинами, — так мама его на цикорий пытается пересадить. — Я прыснула со смеху, вспоминая недовольство отца. — Они постоянно ругаются из-за этого. Мама говорит, что цикорий полезнее кофе, а папе не

нравится его вкус, и он называет его суррогатом.

Роман рассмеялся вместе со мной. Начальник же и бровью не повел. Но то, как он на меня смотрел, немного напрягало. Не отрываясь, с прищуром и молча. Лишь в его серых туманных глазах что-то менялось, но прочитать его эмоции я не могла. Слишком глубоко они прятались. Я все ждала, когда он прикрикнет на меня. Ведь я позволила себе указать ему на неправильное питание. Язык мой без костей! Сжав вилку и замерев, я продолжала ждать, глядя ему в глаза, но так ничего и не произошло.

Я перевела дыхание и отвела взгляд. Правда, страх перед Большим Боссом не испарился, а лишь затаился, готовый в любой момент выпрыгнуть как черт из табакерки.

Вернуть непринужденную атмосферу прежних обедов у нас не получалось. Разговор затух, а мужчины, точнее Роман, переключились на обсуждение рабочих вопросов. Я заинтересованно слушала. Это было очень познавательно. Милый Босс казался мне самым умным на свете. Жаль, что времени у нас оставалось мало, перерыв заканчивался. Котлету я съела и теперь в одиночестве попивала кефир. Мужчины опаздывали на встречу. Роман попросил мой номер телефона, и я конечно же дала его. Потом робко уточнила у начальника, нужен ли ему мой номер, а то как-то неудобно стало, словно он был лишним, сторонним молчаливым наблюдателем. На удивление, Большой Босс взял из моей руки смартфон и набрал свой номер, нажав на вызов.

— Сохрани, — приказал он, прежде чем встать. Роман взял портфель Босса и поспешил за ним, поблагодарив за обед.

А я осталась поразмышлять над происходящим. Странно, что за такую дорогую одежду я должна всего лишь присутствовать на обедах и кормить Большого Босса, который с охотой ел и местную еду гениального шеф-повара из кафе. Зачем все это? И что мне делать с коллегами? Как пережить их бойкот? Я тяжело вздохнула, убрала бокс в пакет, а упаковку из-под кефира выкинула в мусорку. Попрощавшись с официантом, я направилась к себе в отдел. Работа есть работа. Никто не говорил мне, что будет легко. Наоборот, все твердили, что от работы конидохнут.

— Объясниться не хочешь? — весело спросил Роман, еле-еле поспевая за Дмитрием на пути к машине.

Тот хмуро оглянулся, но промолчал. Резковато открыв дверцу, он сел за руль и бросил портфель на пассажирское сиденье. Роман открыл дверь с другой стороны. Ему пришлось освободить себе место, убрав портфель друга на заднее сиденье вместе со своим.

— Дим, что происходит? — не унимался он, рукой прикрывая от яркого солнца карие глаза, в которых искрились янтарные крапинки. — Мне казалось, тебе нравятся другие женщины. С чего такие перемены? Людочка совершенно не похожа на Татьяну. Она полная ее противоположность. Ты уж извини, но я бы даже сказал, что она совсем тебе не подходит.

Тяжелый взгляд серых глаз заставил Романа прикусить язык, но, увы, всего на миг.

— Друг, ну что с тобой? Мы столько лет вместе. Если она тебе нравится, то нечего стесняться, мне она тоже понравилась, просто она не нашего круга. Как бы не съели ее акулы.

— Не съедят, зубы обломают, — коротко отозвался Дмитрий, включая передачу. — И если она тебе понравилась, то почему не спешишь сделать своей?

— Эй, эй, Дим, ты чего! Я еще молод! Мне кабала не нужна. Я за свободу! Понял? Нечего меня сватать, я еще не нагулялся!

Дмитрий не смог сдержать ухмылки, но на друга не смотрел, аккуратно выворачивая на проезжую часть с парковки.

— Вот скажи честно, ты чего к ней привязался? — опять спросил Роман, довольно скалясь.

— А ты? — не остался в долгу Негласный.

Он не собирался открываться другу, потому что не видел в этом смысла. Все равно ничего не поймет. Обормот, он и в старости будет обормотом. Не родилась еще женщина, способная его обуздать.

— Есть хочется. Знаешь же, что обед пропускать нельзя.

— Завтрак, — поправил его Дмитрий, обгоняя медленно движущиеся автомобили и поглядывая на циферблат часов. Они опаздывали, и здорово. Клиенты могли обидеться.

— Завтрак-то, само собой, я не пропускаю, а обед очень часто.

Ворчание друга раздражало — как обычно, Роман думал только о себе любимом. Он слишком часто забывал о работе, и порой это выливалось в неприятности. На плечи Дмитрия легло не только руководство рекламным агентством, но и содержание торгового центра «Изольда», доставшегося Роману в наследство после смерти бабушки. Роман, типичный представитель золотой молодежи, которому улыбнулась удача познакомиться в университете с ботаником Негласным. Дмитрия все сторонились и считали занудой, и лишь Бобров, пройдоха, втерся в доверие к нелюдимому парню и стал для него единственным другом.

— Она смешная, да? — продолжал весело трещать Роман, не чувствуя, что все сильнее раздражал Дмитрия.

— Оборжешься, — тихо отозвался Негласный.

— А я думал, ты на нее запал, — хлопнул по плечу друга Роман и уже в открытую рассмеялся. — Не знал, что ты из тех, кто любит поиграть с глупенькими девицами. Знаешь,

когда-то и я этим промышлял — разводил глупышек на секс. Они хоть с виду и пресные, а в постели огонь! Особенно когда влюбляются.

Дмитрий сильнее сжал руль, пытаясь не вспоминать влюбленный взгляд Люды. Молодая совсем, неопытная и не чувствует опасности рядом с Романом. Действительно глупая.

— Знал бы, что ты на нее не запал, не покупал бы для нее одежду, — немного раздраженно проговорил Роман, оторвав Дмитрия от размышлений. Он хмуро посмотрел на друга, заметив, что тот перестал улыбаться. — Не надо было вмешиваться, но я же для тебя старался.

На лице Романа снова вспыхнула улыбка, а Негласный недовольно покачал головой. Опять эти его проверки.

— Дай угадаю, ты подумал, что у малышки проснулся вкус? — раскатистый смех долго сотрясал Романа, на глазах даже выступили слезы. — Ну ты даешь! Ее, между прочим, твоя Анечка приказала переодеть. Совсем девчонок не жалеешь, запугал!

Дмитрию было наплевать, что думал о нем друг. Как, в принципе, и все остальные в его компании. Жесткая дисциплина, введенная Негласным, помогала исключить внештатные ситуации. Только креативный отдел свободно чувствовал себя в этом плане. К ним Дмитрий предъявлял совсем другие требования и выжимал гениев до последней капли. Роман часто ругался, что текучка в этих отделах невообразимая, но сильные духом оставались. Естественный отбор. А вот Самохина выбивалась из общего коллектива. Ей бы не в бухгалтерии сидеть, а в творческом отделе. Там полно таких же чудаков.

Дмитрий никак не мог отмахнуться от видения раскачивающихся под столом ног. Просто наваждение какое-то. Как он ни старался сконцентрироваться на предстоящей встрече, но Роман своими разговорами возвращал его к воспоминаниям.

* * *

Войдя в бухгалтерию, я и предположить не могла, что встретят меня не так, как провожали. Всех словно прорвало. Прижав к двери, меня обступили и засыпали вопросами о Милом Боссе и о том, что нас связывает. Но потом всех отодвинула Марина Аркадьевна и тихо спросила:

— Ты знакомая Босса?

Испугавшись ее, такую строгую и, кажется, очень злую, я замотала головой.

— Тогда почему он за тобой пришел и позвал на обед? Да и на совещании обрадовался тебе как родной? Я думала, что Бродский опять врет, а оказывается, нет? Засланный казачок? Докладываешь о нас директорам?

— Нет, конечно, — выпалила я. Мне было даже страшно представить, что меня заставят делать подобное. Это кем же надо быть, чтобы «стучать»!

— Тогда что вы на обеде обсуждали? Нажаловалась на нас?

— Нет, — жалобно прошептала я и снова замотала головой. Мне тотчас захотелось научиться проходить сквозь стены, чтобы поскорее исчезнуть отсюда.

— Смотри у меня! — строго пригрозила она мне пальцем и отошла, оставив меня в оцеплении коллег.

— Если ты не его подружка, то кто? — решила уточнить Иринка, бухгалтер по материалам.

— Не знаю. Знакомая, наверное.

— А что вы делали на обеде? — не унимались девчонки.

Я пожала плечами, понимая, что, скорее всего, разочарую их.

— Ели.

У всех на лицах появилось одинаково недоуменное выражение, но зато дышать стало легче.

— Просто ели? И часто вы так едите? — спросила Мамаева. В отличие от других девочек, она была очень строга ко мне.

— Каждый день.

— Что?! — хором воскликнули все, включая вскочившую со своего кресла как ужаленную Марину Аркадьевну.

— А что такого? — не поняла я их воплей. — Они каждый день обедают в кафе, я тоже. Вот и познакомились.

— Это невероятно.

— Так просто.

— Да она глупая.

— Или врет.

Мне стало обидно. Они стояли и обсуждали меня, словно меня не было.

— Я никого не обманываю! — гордо выкрикнула я, привлекая к себе внимание женщин. — Вы сами-то где обедаете?

Коллеги немного ступевались и отвели взгляды. Как будто я не знала, что они ходили в торговый центр и там питались. И хоть бы раз кто-нибудь из них позвал меня с собой!

— Вот и нечего обвинять меня. Сами хороши.

Я прошла к своему столу и села, сложив на груди руки и хмуро поглядывая на коллег. Вот и поговорили, вот и разобрались, кто кого обманывает и кто кого ни во что не ставит.

Я думала, что мне опять придется без дела сидеть в кресле до конца рабочего дня, но вскоре главный бухгалтер завалила меня заданиями: я копировала, подшивала бумаги и таскала пачки в архив. Утомилась я знатно, зато ко мне все стали относиться по-другому — заискивающе просили помочь что-то сделать. Пару раз даже за чаем пришлось сбегать, лишь бы наладить с ними отношения.

Сюрпризы продолжают

В нашем мире все меняется на удивление быстро. Еще вчера на меня смотрели как на букашку, позволяя лишь копировать и раскладывать бумажки, а сегодня утром мне доверили составить для начальника таблицу. Послезавтра на утренней планерке ему предстояло отчитываться перед генеральным. А в перерыве мои коллеги предложили пообедать с ними, но не в торговом центре «Изольда», куда обычно ходили, а на первом этаже нашего бизнес-центра, где ела я. Главный бухгалтер чинно вышагивала передо мной, придерживая на плечах пиджак, чтобы не свалился.

Я шла как на эшафот, понимая, что все это не к добру и сделано не из благих побуждений. Все хотели поближе познакомиться с Романом и Дмитрием Анатольевичем. Те, завидев нашу делегацию, сразу изменились в лице. И если Роман еще пытался сохранить подобие улыбки, он лишь испуганно посмотрел на Большого Босса, то тот недовольно

оглядел каждую, задержав свой убийственный взор на мне.

Девочки ступевались, но только не наша начальница. Та смело подошла к их столу и напросилась к ним. Роман привстал, помогая Марине Аркадьевне присесть, затем осмелели и остальные девчонки. Ну а я решила от греха подальше сесть за свободный столик, спиной к начальникам, чтобы не портить себе аппетит. Официант, как обычно, предложил мне чай, я поблагодарила его и, поудобнее расположившись за столиком, уже практически приступила к еде, как неожиданно ко мне подсел Большой Босс и обвиняюще спросил:

— Сама придумала или кто подсказал?

Я замерла, не понимая, к чему он клонит. Оглянулась на Романа, который остался сидеть в «малиннике» и, кажется, нисколько этому не огорчился. А жаль. Я испытала укол ревности, да еще какой! Иллюзии в очередной раз лопнули, когда я поняла, что рядом с ним могут быть только такие яркие красотики, как наша начальница, а вовсе не я.

Повернувшись к Большому Боссу, я вздрогнула, когда увидела перед собой раскрытое меню. Пришлось его взять, так как мой бокс уже держал официант и накладывал из него еду в тарелку Дмитрию Анатольевичу. Мама вчера приготовила картошку с грибами. Как-то раз под осень папа привез из рейса целый мешок, купил у бабушек на платформе. Он у меня машинист поезда и частенько уезжал на несколько дней. Мамуля сделала запасы и время от времени баловала нас этим чудесным блюдом.

— Может, не надо? — тихо шепнула я, наблюдая, как Босс примеривается вилкой. — Мы их не сами собирали. Папа их с рук купил.

— Заказывай обед, — хмуро отозвался в ответ директор.

Я разочарованно пожала плечами. Я так мечтала о картошке с грибами! Вчера мама, наслушавшись тетю Нюру, не дала мне ничего есть после шести вечера, кроме кефира, а сегодня сжалилась! И вот! Я опять осталась без вкусного. Читая названия блюд, я поняла, что никакой достойной замены им нет. Грибных блюд не было. Я заказала филе трески под польским соусом и пюре. Тоже сытно и вкусно.

Со скучающим видом я сидела и с завистью следила, как директор наслаждается маминим творением: смакуя, тщательно пережевывая и запивая в этот раз чаем.

Когда мне принесли заказ, я сразу забыла и о Дмитрие Анатольевиче, и о грибах. Рыбка просто таяла во рту, и я ее практически не жевала.

— Как в садике, — тихо шепнула я директору. — Нам в садике часто давали рыбу под польским соусом. Один в один.

Генеральный усмехнулся и что-то буркнул себе под нос, а я балдела. После вчерашней голодовки хотелось вкусно поесть.

— А еще моя бабушка часто готовила рыбу под этим соусом. Она у меня в деревне жила. Правда, у нее другой вкус получался, наверное, из-за масла. Она масло сама делала, и сметана у нее была вкуснее. Корову она не держала, молоко брала у соседки. А меня, когда родители к ней в деревню отправляли, всегда вместо коровьего молока козьим поила. Говорила, что для здоровья оно полезнее.

— Жуй давай.

Ну вот чего он так? Вечно рот затыкает. Если я ему так не нравлюсь, чего ко мне пересел? Мог бы и за другой стол сесть. Тут я огляделась и увидела, что свободных столов в этот день в кафе не было. Все наши сотрудники сегодня решили обедать в бизнес-центре. Надо же. Допив чай, я поблагодарила генерального за компанию, забрала бокс и повернулась к Роману. Он все еще ел и о чем-то весело общался с девчонками. Так и не попрощавшись с

ним, я вынуждена была вернуться в отдел, куда минут через десять пришли и остальные сотрудники.

И опять все изменилось. Теперь мне все улыбались, а я старалась не думать о том, что будет завтра, и полностью погрузилась в цифры.

* * *

Я сидела на кровати и не могла подобрать слов, чтобы успокоить Юлю. Каждый вечер по ее требованию я рассказывала о том, что происходило у нас на работе. Особенно ей не нравилось поведение боссов и мое к ним отношение. Она сразу приказала забыть об отношениях с ними, и мои вялые попытки оправдаться ее просто бесили.

— Неужели ты не понимаешь? Поиграют и выбросят. Ты хоть у нас и глупенькая, но не до такой же степени! Вспомни Ваську со второго курса. Как он на спор хотел переспать с тобой.

Я грустно вздохнула. Ваську я помнила, а вот спор нет. Я даже и не поняла, что он имел на меня какие-то виды. Клеился, прохода не давал, пугал, в итоге отстал, и я успокоилась. Потом подруга рассказала мне страшную историю про спор однокурсников. После этого был Федька, потом Петька, я же была слишком занята учебой. Подруга училась на другом факультете и не могла помочь мне с профильными предметами, а они давались мне ой как тяжело. Поэтому первая любовь настигла меня лишь на последнем курсе и закончилась прощальным гулом поезда.

Макар уехал к себе в Сибирь, и больше я о нем не слышала. Я страдала по нему полгода, а потом остыла. Может, и не любовь это была, а так, увлечение. Юля, по жизни неисправимая оптимистка, предложила расценивать это как опыт. А опыт бывает разным.

— А если они предложат тебе переспать? — не унималась подруга, сидя рядом со мной в цветастой футболке. Джинсовые шорты плотно обтягивали ее бедра. Лак на ногтях рук подмигивал оранжевым, а на пальчиках ног красным.

— Юль, они начальники, они не могут такое предложить, — попыталась я урезонить ее, а то она совсем разошлась. Какой переспать? О чем вообще она думает? Нет бы работу искала, а она ужасы мне рассказывает.

— Ох ты глупая, — покачала головой подруга. — Могут, на то они и начальники. Еще и прикажут, иначе уволят.

— Нет, ну что ты, — не поверила я. Она не знакома ни с Романом, ни с Большим Боссом. Как можно так судить о людях? Юльку оправдывало только то, что она заботилась о моем благополучии. Я прекрасно видела, что она искренне беспокоится обо мне.

— Не могут! — фыркнула подруга в ответ. — Могут, еще и с двумя сразу.

Я выпучила глаза, боясь даже представить такое. Вдвоем сразу!

— Ты порнухи насмотрелась? Или что? ПМС скоро? Что у тебя в голове? — запаниковала я, поскольку Юлька могла еще и в подробностях описать, как она это себе представляет.

— Может, и ПМС, — наконец успокоилась моя заботливая подруга. — Короче, не спи с ними, лучше сразу увольняйся. А то обеды эти до добра не доведут.

— Мне кажется, ты сгущаешь краски.

Юлька опять фыркнула и встала.

— Знаешь что, моя дорогая, — она подошла к шкафу и достала мою рабочую одежду, которую подарил Роман. — Такое просто так не дарят. Потом тебе аукнется по самое не горюй. И вот тогда ты вспомнишь мои слова.

— Слушай, не обижайся, но, по-моему, ты все же немного не поняла. Я не нравлюсь Роману как женщина. Да и вокруг него выются такие красотки, что он на меня и не взглянет при таком-то богатом выборе.

— А этот хмурый? — не унималась подруга. — Он как посмотрит, так до зубов пробирает. Не глаза, а лазеры какие-то. Мне аж поплохело, пока он меня рассматривал.

— Ну да, — тут я была с ней согласна. Не глаза, а скальпель. Режет своим взглядом и словно все внутренности вынимает, чтобы осмотреть. Неприятно и страшно. Но привыкнуть можно. А когда он улыбается, то сразу становится на человека похож. Я поправила подол туники, натянула до колен гетры и пошла провожать Юльку домой. А то завтра на работу, а она раскудахталась, как курица-наседка. Вон до чего додумалась! Секс втроем. Бред какой. Фу!

Но, видимо, подруга все же заронила во мне зерно сомнений. Мне приснился сон, где серые глаза Большого Босса пристально следили за мной. А я, пытаюсь укрыться от них, бежала по коридорам бизнес-центра, искала укромное место. Но глаза неумолимо преследовали меня, холодные, пронизывающие, словно оживший туман.

Проснулась я совершенно разбитая.

Скандал

Как я протянула месяц — ума не приложу. На работе меня все якобы любили, пытались заискивать, и это раздражало. А сегодня я решила, что не хочу идти в кафе. И дело было даже не в хмуром и раздражительном Большом Боссе, который неизменно сидел со мной за столом и ел, а в моих коллегах, предлагавшим Боссам попробовать домашнюю еду. Всем почему-то казалось, что я особенная и еда у меня необыкновенная, потому что Дмитрий Анатольевич головы не поднимал от стола и рукой отгонял желающих накормить его. С каждым днем он становился все злее, а я при этом чувствовала свою вину. Я пыталась его задобрить вкусной едой, уже понимая, что все напрасно. И решила, что больше не буду ходить на обед. В конце концов, у нас на двадцать втором этаже была кухня, оборудованная техникой, чтобы питаться с комфортом. Я узнала о ней совсем недавно. Там обедали те, кто давно работал в агентстве. И вот я подумала, что пора вливаться в коллектив.

Я сослалась на недомогание и не пошла с остальными в кафе. Бухгалтерия, весело обсуждая Милого Босса, всем составом спускалась вниз, а я сидела за своим столом и делала вид, что занята. Сначала я конечно же боялась нарушить уговор с Романом, но когда поняла, что ему без разницы, кто с ним ест, расстроилась. Ну не могла ничего с этим поделать. Сердцу не прикажешь, но и насильно мил не будешь.

Войдя в офисную кухню, я поздоровалась с коллегами из других отделов. Их было четверо. Долговязый рыжий админ, две кадровички в красных жилетках и брюнет, помощник из креативного отдела. Я с ними уже была знакома, точнее, несколько раз встречались. Осторожно спросила, можно ли присоединиться к ним, и, на удивление, меня приняли в теплую дружескую компанию.

— А ты чего, как обычно, со всеми не пошла? — начал разговор Артем, тот, что из

креативного.

Я пожала плечами и тихо сказала:

— Там стало не протолкнуться, мест не хватает.

Парень хмыкнул и кивнул, принимая мой ответ.

— А мы слышали, что ты знакомая Милого Босса, — чуть нагло заявила Мария, за что получила тычок от Оксаны. Обе девушки были в красных юбках. Почему-то секретариат и кадровики должны были придерживаться этого цвета в одежде. Девушки смотрелись очень выгодно, особенно на моем невзрачном черно-белом фоне. Парни, кроме креативщиков, тоже носили белые рубашки и черные костюмы, что не совсем удобно, к тому же марко.

— Не знакомая она, — невозмутимо отозвался рыжий Тимофей, админ.

Все многозначительно взглянули на него, но тот продолжил лишь после того, как запихал в рот очередную порцию волнистой вермишели. Да уж, ну и обед у него. Вермишель быстрого приготовления совсем не то, чем нужно питаться. Можно очень быстро испортить желудок.

— У нее нет пропуска на их этаж. У всех их знакомых есть, а у нее нет.

Я кивнула, оглядела коллег и почесала затылок. Вот как все легко и просто. Никаких тебе домыслов и слухов. Нет пропуска — значит, не знакомая. Как же я устала от недопонимания со стороны коллег.

— А это правда, что Роман Аристархович купил тебе одежду в своем торговом центре? — Оксана так завистливо посмотрела на меня, что меня невольно передернуло.

Я удивленно замерла, оглядывая блузку. Я носила ее практически каждый день, лишь изредка меняя. Но я не знала, что торговый центр и магазин принадлежат Милому Боссу.

— Не знаю, — осторожно ответила я и пожала плечами.

— Чего вы к ней пристали! — встал на мою защиту Артем, и я благодарно ему улыбнулась.

— Просто обычно он там своих любовниц одевает, — Мария резала меня без ножа. Так вот, оказывается, какие слухи обо мне ходили на работе. Любовница Романа...

— Мы не любовники, вы что! — мне стало обидно до слез.

— Маша, не глупи! Не обращай на нее внимания, — тут же вмешался Артем и поближе подсел ко мне. — Понятно же, что вы не любовники. Он со всеми милый, а у самого парочка любовниц из моделей. Я сам видел одну.

Это он уже говорил, глядя на девчонок, а я грустно вздохнула. Ну вот, что и требовалось доказать. У него есть любовница, причем не одна. Хотя, может, опять слухи.

— А они с Людой просто друзья, так ведь? — закончил Артем, требуя у меня подтверждения своих слов. Я опять покачала головой.

— Мы не друзья. Мы общаемся только в обед. И то в последнее время и парой слов не перекинулись. Наши Боссы очень общительные, вот и все.

Я оглядела замерших коллег, которые вдруг дружно заржали после моих слов.

— Скажешь тоже, общительные.

— Ой, умора!

А я, недовольно поджав губы, решила уже поесть, а не сплетничать. Все равно ничего никому не докажешь. Вдруг дверь в кухню открылась. Теперь и я замерла вместе с остальными. Серые глаза Большого Босса просто пришилили меня к стулу, а затем он ткнул в меня указательным пальцем.

— За мной, быстро! — рывкнул он так, что я вздрогнула. С трудом сглотнув, моргнула,

когда Босс скрылся за дверью, и бросилась за ним. Он что, зол? На меня? За что?

Выскочив за дверь, я чуть не врезалась в него. Холодные глаза оглядели меня со всех сторон, затем я услышала чуть ли не змеиное шипение:

— Где обед?

Я метнулась обратно. Коллеги все так же тихо сидели и смотрели на меня не менее испуганными глазами, как и я на них. Что произошло, я не поняла вообще. Но схватив контейнер и вилку, рванула на выход. Дмитрий Анатольевич шагал к лифтам, и я поспешила за ним. Обиделся на то, что я не пришла на обед? Или на то, что решила съесть свой обед сама? Я опять что-то сделала не так? Но это же полная глупость! Зачем он так со мной?

Войдя в лифт, я замерла за спиной Босса. Он молчал. Молчала и я и лишь крепче прижимала к себе пакет. Двери открылись практически сразу, и я поздно сообразила, что не заметила, на какой этаж нажал Босс. Мы вышли на директорском этаже. Тройка секретарей отсутствовала, видимо, и у них бывает обед. Но стоило нам пройти пару шагов, как появилась брюнетка Мария. Она поправляла на губах помаду и была явно встревожена.

— Дмитрий Анатольевич, что-то желаете?

Он замер, затем кивнул:

— Никого не впускать.

Я ошарашенно уставилась на Марию. Та от изумления даже разинула рот, пока с головы до ног окидывала меня взглядом.

— Как скажете, — пролепетала она, а Босс дернул меня за руку, волоча за собой.

Сразу вспомнились предостережения Юльки, которая с каждым днем придумывала все более страшные истории. Хорошо, что не про меня, но все же. Последняя была про сексуальное рабство секретарши, которую уволили, когда она забеременела. Ей бы романы писать, а не телевизор смотреть. Это явно не шло ей на пользу.

— Садись и ешь, — мужчина указал мне на отдельно стоящий столик для совещаний напротив рабочего стола. Сам он сел в свое кресло и, кажется, совсем обо мне забыл, а я замерла, не зная, чего ожидать. Я просто сидела и ждала непонятно чего. Но генеральный взялся за ручку и стал что-то записывать, лишь изредка глядя на меня.

— А вы есть не будете? — прошептала я, но, на удивление, была услышана.

— Сыт, — холодно отозвался он, причем мне показалось, он хотел продолжить — «по горло». В его голосе было столько яда.

Желудок проворчал, напомнив, что я тяну с обедом. Протяжно вздохнув, я открыла контейнер. Сегодня я взяла с собой вареники с творогом, обильно полив их сметаной и припорошив сахаром. Прозрачные кристаллики утонули, оставив после себя на сметане точки. От вареников шел обалденный аромат. Я обожаю их, хотя готовлю нечасто. Варить я их не умела, зато с этим славно справлялась мама. У нее они не лопались и не разваливались. Запихнув в рот первый вареник, я прикрыла веки, радуясь жизни. Вареник был большой и требовал тщательного пережевывания. Я открыла глаза и стала рассматривать пейзаж за окном.

— А у вас тут красиво, — сделала я комплимент Большому Боссу, наблюдая, как по голубому небу плывут облака. Осень выдалась морозная. И небо казалось кристально чистым. Скоро выпадет снег. А может, как обычно, весь декабрь его не будет. Ноябрь подходил к концу. Пора было задумываться о новогодних подарках.

Большой Босс встал из-за стола и, подойдя ко мне, взглядом указал на вареники. Ну конечно, кто бы сомневался, что он тоже захочет попробовать. Я нанизала на вилку

укутанный в сметану вареник и протянула ему. Какой у него, однако, большой рот. Вареник поместился в нем легко, а я зачарованно следила за языком, облизывающим бледные губы, испачканные в сметане.

— Вкусно, — заметил Босс, выводя меня из ступора. Что за наваждение? Похоже, Юлька добила своего, и я уже не о том думала, когда видела начальника. Мне все казалось таким пошлым! Даже аппетит пропал. Однако настроение Большого Босса требовало особого внимания. Он отобрал у меня вилку, присел на соседний стул и съел парочку вареников.

— Я люблю вареники с творогом, а еще с клубникой. Но ее в этом году было мало. Бабуля нам ни одной банки не прислала. А так бы полить сверху вареньем вместо сметаны, и вообще улет.

Уголки губ Босса чуть дернулись, затем он воткнул вилку в вареник и протянул его мне. Смущенно взглянув в его туманные глаза, я не сразу, но все же открыла рот, поскольку Большой Босс настойчиво держал вилку у моих губ, и это было как-то странно. В боксе оставался последний вареник, он тоже оказался моим. Я растерянно смотрела, как генеральный вымазывает его в остатках сметаны, а затем заботливо протягивает мне. Взгляд у него при этом был теплым, даже веселым. Я открыла рот и тут же получила вареник.

Закрыв бокс и положив его вместе с вилкой в пакет, мужчина встал и приказал:

— Иди.

Я еле прожевала последний вареник — и опять ничего не поняла. Иди? Вот так просто? Поела и иди? Невежа какой-то. Хоть бы раз спасибо сказал. А то только командует и вносит сумятицу. Я не стала ждать, когда меня выставят. Столкнувшись на ресепшене с Анной Витальевной, не могла не поздороваться с ней.

Та кивнула в ответ, а затем, указав на меня пальцем, тихо шепнула:

— У вас что-то белое на губе... — очень медленно и испуганно. А потом и вовсе еле слышно выдохнула: — Испачкалась.

Я быстро стерла с губ остатки сметаны и от души поблагодарила женщину. Вот было бы смешно, если б я появилась перед коллегами в таком виде. Всем сказала, что прихватило живот, а сама втихомолку ела. Не люблю обманывать, но иногда приходится. Попрошавшись с молчаливыми и какими-то пришибленными секретаршами, я подошла к лифту. Когда двери закрывались, я увидела, как Анна Витальевна пальцем указывала то на кабинет генерального директора, то на меня, при этом она походила на рыбу. Вытаращив глаза, беззвучно открывала рот. Мария и другие девушки шептались и смотрели на меня с каким-то осуждением. Всё же странные люди здесь работают. Может, все рекламщики такие? Но этого я не знала. Я припозднилась с обеда, точнее просто пришла последней. Коллеги продолжали радостно шептаться, пытаюсь переспорить, кому больше внимания уделил сегодня Роман Аристархович. Но явно не мне. Я села за свой стол и решила проверить почту. Дел пока никаких не намечалось и хотелось полениться. А для этого надо сделать вид, что я очень занята, но нашего главного бухгалтера не обманешь, и первой, кому она выдала задания, была я. Мне это кажется или уже стало тенденцией? Сначала мне, потом всем остальным. А примерно через полчаса к нам в отдел влетел начальник финансового отдела и, потрясая синей папкой, проорал главному бухгалтеру:

— Кто составлял анализ прибыли? Вы что, опозорить меня хотите? Как я с таким отчетом появлюсь перед Большим Боссом! Почему все цифры в беспорядке? Что с чем сравнивать?

Папка громко шлепнулась на стол Марине Аркадьевне. Мы все в страхе смотрели на разъяренного Антона Васильевича и боялись пискнуть. Но наша начальница была дамой не робкого десятка. Она медленно встала и усмехнулась финансисту прямо в лицо:

— Вы забыли о деловой этике? Орать будете дома на жену, а здесь подчиненные, которые и без этого сделают то, что положено.

Она взяла папку и, открыв ее, пробежалась взглядом по моей таблице.

— Алика Георгиевна, я жду объяснений, — холодно произнесла Марина Аркадьевна.

— Таблицу делала Людмила Олеговна.

Я испуганно ахнула, когда все уставились на меня, особенно Антон Васильевич. Повернулась к Алике Георгиевне, но та указала на меня рукой. За что? В голове просто не укладывалось. Как она могла так со мной поступить?

— Я была очень занята и попросила Людмилу Олеговну подготовить таблицу для Антона Васильевича, — меж тем продолжала Алика Георгиевна, а я поняла, что оправдываться бессмысленно. Но так хотелось, чтобы она призналась сама.

— Вы уволены! — рявкнул начальник финансового отдела.

В этот момент, мне показалось, мое сердце остановилось. Я затравленно посмотрела на Марину Аркадьевну, но та лишь качала головой, рассматривая таблицу.

— Алика Георгиевна, быстро переделайте и впредь не перекладывайте свою работу на тех, кто не в состоянии с ней справиться.

Я чуть не всхлипнула от обиды и требовательно взглянула на Алику Георгиевну, надеясь, что она скажет правду, но та замотала головой и закусила губу. Я не понимала, не могла найти объяснения, почему она так поступила со мной. Я же старалась наладить с ней отношения, а она... Выносить гнетущее молчание я больше не могла. Выскочила из отдела и бросилась в туалет. Через пару минут с виноватым видом туда заглянула Алика Георгиевна.

— Прости меня, — взмолилась она так, что от жалости к ней у меня защемило сердце. — У меня кредит, понимаешь? Он бы уволил меня. Ему без разницы, кого увольнять, а у меня ребенок и кредит... и муж непутевый. Прости, Люда. Ты молодая, у тебя вся жизнь впереди, ты найдешь себе другое место. А я уже не в том возрасте, чтобы менять работу.

Она еще раз извинилась и поблагодарила меня за молчание. Я оперлась руками о раковину и попыталась снова не разреветься. «Добрými делами выложена дорога в ад», — твердила мне бабушка, а я ее не слушала. Не надо было помогать Алике Георгиевне... Но она так умоляла. У нее ребенок заболел, и она не успевала доделать эту таблицу, поэтому попросила меня. Я сама видела, что таблица неудобная, кривая какая-то, но там оставалось заполнить последние два столбца, что я, собственно, и сделала. Пришлось даже задержаться из-за этого на работе. И вот результат. Мне никто не поверит, если я буду оправдываться. Ведь никто не слышал, как меня уговаривала Алика Георгиевна, а секретарь Антона Васильевича подтвердит, что это я принесла ей папку.

Я взглянула на свое отражение в зеркале: зареванная, нос красный, глаза опухшие.

— Неудачница, — шепнула я себе и стала умываться ледяной водой.

К черту эту работу! Никаких нервов на нее не хватит, даже нормально поесть не могу, не говоря уже об остальном.

Вернув бейдж, я написала заявление на увольнение и со всеми попрощалась. Марина Аркадьевна попросила прийти через два дня за расчетом. Выйдя в холодную осень, я раскинула руки в стороны и вздохнула полной грудью. Свобода. Солнце ярко светило, но клонилось к закату. Прохожие спешили по своим делам, от холода пряча носы в шарфы. Я

твердо решила не грустить. Увольнение — это просто очередной опыт.

* * *

Анна Витальевна Воевич была дамой строгой и терпеть не могла бабские сплетни. Шикнув на расшумевшихся секретарш, она напомнила им, что если услышит хоть один слух о генеральном, то все трое тут же будут уволены. Дмитрий Анатольевич не терпел сплетен. А они с каждым днем все больше крутились вокруг Милого Босса и обеденного времени. Про Самохину тоже много чего думали, но кем она приходилась Боссам, никто не знал, даже сама Анна Витальевна. Думать о том, что всегда скрытный и собранный генеральный директор способен на аморальные поступки, не хотелось. Его репутация не была запятнана интрижками ни на работе, ни на стороне. Холост, свободен, богат, не мужчина — мечта. Да только мало кто осмеливался к нему подступиться, а тех, кто отваживался, ждало сплошное разочарование. Непробиваемый, каменный Дмитрий Анатольевич спокойно отражал все атаки охотниц за толстыми кошельками.

Так что же пошло не так? Почему генеральный сам привел Самохину на директорский этаж? И значит ли это, что пора включать ее в список тех, кому открыт сюда доступ. Неужели грядут перемены? А, как известно, новая метла метет по-новому, и лучше сразу занять правильную сторону, чем потом кусать локти.

Женщина взяла документы на подпись и, прежде чем войти, постучалась. Дмитрий Анатольевич сухо позвал, а когда Анна Витальевна вошла, даже не поднял головы от бумаг. Секретарь воспользовалась этим, чтобы оглядеться. Диван не мятый, сам генеральный опрятно одет. На столе, как обычно, рабочий беспорядок, но все лежит на своих местах. Аккуратно положив стопку документов на подпись, Анна оглянулась, продолжая свое наблюдение. Ведь если это правда и генеральный занимался ЭТИМ в кабинете, то должны же остаться хоть какие-то улики. Но единственное, что заметила зоркая женщина, это странные пятна на столе для переговоров. Осторожно ступая, чтобы не потревожить Большого Босса, она подошла ближе и уставилась на белые капли, хорошо различимые на полированной поверхности стола. Рядом обнаружился влажный прямоугольный след, как будто здесь стояла какая-то коробка.

— Что там? — глухо спросил босс.

Анна встrepенулась и повернулась к нему. Генеральный все так же не смотрел на нее, но тем не менее ждал ответа.

— На столе какие-то белые пятна.

Дмитрий Анатольевич поднял голову и прищурился.

— Сметана, наверное. Позови уборщицу.

— Сметана? — с огромным облегчением переспросила секретарь, по-новому рассматривая следы. Ну точно, отпечатки справа, видимо, от столового прибора. А с Самохиной генеральный только обедает. К тому же только что закончился обеденный перерыв. Все логично. Все прилично.

— Я сама уберу, — обрадовалась Анна Витальевна и поспешила за влажными салфетками.

Ей стало очень неудобно перед начальником за свои глупые мысли. Но что еще она могла подумать, когда увидела Самохину? Стукнув себя ладонью по лбу, Воевич готова была

провалиться сквозь землю. Ей вдруг стало так стыдно! Как бы ни оправдывалась она перед собой, но, увы, от правды не скрыться. А правда колола глаза. Анна Витальевна давно положила глаз на Большого Босса и мечтала его завоевать. Но, увы, муж, дети... Да и сам Дмитрий Анатольевич взял ее на работу лишь потому, что она замужем. Была бы не замужем, получила бы отказ, как и все, кто вместе с ней несколько лет назад приезжал на собеседование.

Женщина поспешила вернуться в кабинет. Когда вытерла стол, у нее окончательно отлегло от сердца. К тому же у нее оставались еще дела. И первоочередным было приструнить секретарш на ресепшене. Анну Витальевну немного успокаивала мысль, что не одна она так плохо подумала о Самохиной. Видимо, отвыкла уже верить в хорошее.

* * *

Поздравления от Юльки по поводу обретенной мною свободы не могли утешить моих родителей. Они сидели за столом и прожигали меня недовольными взглядами.

— Точно уволена? — хмуро переспросил папа.

Я кивнула.

— Заявление написала. Главный бухгалтер сказала, что лучше уйти по собственному, чем по статье.

— Какой статье? — взвилась мама. — Ты же ничего не крала! Ты человеку помогала, а уволили тебя!

— Так получилось, — вяло отвечала я, рассматривая красное вино в хрустальном бокале.

Папа сам предложил мне вина, сказав, что сейчас мне нужно напиться и забыться.

— Да что за люди там работают, — опустошенно выдохнула мама.

Юля кивнула и взялась за свой бокал:

— Давайте выпьем за то, чтобы у Люды все было и ей за это ничего не было!

Мама тотчас поставила бокал, которым чуть не чокнулась с моей подругой.

— Ну что за тюремные тосты! Выпьем за то, чтобы мою дочь обошли стороной несчастья, а впереди ждал лишь успех.

— Как красиво, — похвалил маму папа, быстро со всеми чокнулся, чтобы со спокойной душой выпить.

Потрепала я им нервы с лихвой — второй раз за месяц увольняют. Такое сотворить могла только я.

Пригубив вина, я тяжело вздохнула. Мне всегда казалось, что, работая в агентстве, я занимаю чье-то место. Зато хоть опыт есть, впредь буду умнее.

— Я рада, что ты уволилась, — в который раз повторила подруга. — А то мне без тебя скучно. А так...

— Завтра обе в центр занятости, — строго прервала Юлькин шепот моя мама. Тетя Нюра сегодня была на смене, и это несказанно меня обрадовало. А отпраздновать мое увольнение была папина идея, чтобы, по его словам, развеять атмосферу удрученности и привлечь удачу.

Поужинав, мы с Юлей прибрали со стола, помыли посуду, а недопитую бутылку прихватили к ней домой. Вина там оставалось всего на четверть бокала, но и этого нам

хватило с лихвой.

— Я завтра никуда не пойду! У меня свидание, — заявила подруга, заваливаясь на кровать.

Я, скинув тапки, устроилась рядышком.

— Везет тебе.

— Пойдешь с нами. Ты же любишь кино.

Я кивнула. Кто не любит кино?

— С кем пойдешь? — Я не знала нового избранника подруги. Еще вчера вроде холостая была.

Юля села на кровати, схватила плюшевого зайца и, обняв его, хихикнула.

— Егор, — с придыханием произнесла она его имя. — Курсант военного училища. Красивый, в форме. Дашь красную юбку? А то мне надеть нечего.

Я улыбнулась, уткнувшись в стакан и допивая вино.

— Конечно дам.

Мы еще потрещали о мальчиках. Юля, казалось, знала всю подноготную Егора, вплоть до имен родителей. Это было что-то! Как выяснилось, она провела расследование по всем фронтам, а мне почему-то так помочь и не смогла. Из статей в инете да по сплетням с теперь уже бывшей работы мне кое-что удалось выяснить о Романе Аристраховиче. Хорошо, что влюбленность не переросла в нечто большее, а так хотя бы осталось приятное впечатление. Можно вечерами вспоминать о желтоглазом красавце и вздыхать.

Утром меня разбудила мама. Она настаивала, чтобы я шла в центр занятости. Я махнула рукой в знак согласия и вновь уснула. Всю ночь я опять бегала по коридорам от страшных злых серых глаз. Генеральный орал на меня за то, что я неправильно сделала таблицу, а я пыталась объяснить, что это не я. Но Большой Босс не слушал, лишь стучал треклятой папкой по столу, а потом, когда я в страхе начала убегать от него, стал догонять меня. И гонял он меня так до самого утра. Голова гудела от похмелья, веки опухли от слез. Второй раз я спала без сновидений и была благодарна Боссу за то, что наконец-то он отстал от меня. Правда, сон продлился не долго. Не прошло и часа, как меня разбудил телефонный звонок.

С трудом разлепив глаза и щурясь от яркого солнечного света, я убрала с лица волосы, чтобы наконец разглядеть, кто звонит. Это был Большой Босс!

Оробев, я не сразу нашла в себе смелости принять вызов.

— Да? — тихо шепнула в трубку.

— Обед у меня в кабинете.

— Что? — опешила я от грубого и холодного голоса.

Я еще не уловила смысл сказанного Большим Боссом, а из динамика уже полились гудки. Судорожно пытаюсь сообразить, чего он от меня хочет, я раз за разом повторяю только что услышанное, но смысл от меня ускользал. После очередного повтора в конце концов я сообразила.

— Обед у меня в кабинете! — раздраженно выкрикнула я.

Так что же это получается — меня что, на работу вызвали? То есть меня опять не уволили? Или я снова не так поняла, и меня сейчас пытаться будут? Тогда зачем обед?

— Или в обед у меня в кабинете, — повторила я как попугай.

И так и эдак я прикидывала в уме, что он сказал, попутно пытаюсь выбраться из-под одеяла. Я почесала затылок, не зная, верить себе или нет. Может, я ослышалась или мне это вообще приснилось. Возможно, он сказал: «Вы уволены», а я просто постоянно о еде думаю?

Живот заурчал. Ну вот, что и следовало доказать. От голода мысли всегда не о том. Осторожно взяв смартфон, я проверила журнал вызовов. Нет, точно звонил. Я решительно набрала номер Большого Босса. Он ответил сразу.

— Что?

Спросил так, словно он мне и не звонил. Как будто это я надоедаю ему звонками.

— Я не поняла, что вы сказали? — Уточнять, звонил он мне или нет, я не стала, хотя могла бы, но решила перейти сразу к делу.

— Ты не уволена. Обед у меня в кабинете.

— А почему? — растерялась я, задумчиво теребя край пододеяльника.

В трубке послышался тихий смешок, а затем и вовсе обидное:

— Это приказ.

Опять пошли гудки, а я окончательно проснулась. Полдесятого утра. Мир «затопило» солнце, даря ему свои уже не греющие лучи. Голые деревья заглядывали ко мне в окно, а я сидела и не понимала, что происходит.

— Что это? — устало спросил Дмитрий, когда вновь увидел приказ об увольнении Самохиной. Анна Витальевна сильно нервничала, так как была не в курсе всех нюансов, но прежде чем принести приказ, наученная горьким опытом, кое-что разузнала.

— Вчера Антон Васильевич Бродский разругался с главным бухгалтером из-за отчета, который готовил для вас. Виновного потребовал уволить. Им оказалась Самохина. Она написала заявление на увольнение, чтобы не портить себе характеристику.

Дмитрий Анатолевич усмехнулся и приказал вызвать Бродского. Тот явился через пятнадцать минут. К этому времени Анна достала и таблицу, и заявление Самохиной, и все это теперь лежало перед Дмитрием.

— Рассказывай, — коротко приказал он Бродскому, успевшему сесть в кресло.

— Я еще не до конца подготовил отчет, но уже можно с уверенностью сказать, что прибыль не уменьшилась по сравнению с аналогичным кварталом прошлого года.

Антон пришел не с пустыми руками и положил перед генеральным тонкую папку. Ленивым взглядом тот окинул диаграмму и таблицу, а затем сказал:

— Ничего не понятно, уволен.

Бродский чуть не задохнулся и стал хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— За что, Дмитрий Анатолевич? Это же обычные таблицы. Я всегда их вам показывал.

Вдруг Бродский заметил приказ об увольнении и написанное от руки заявление. Они лежали прямо перед начальником. Антон даже прочитал фамилию, заодно вспомнив, как вчера женщины судачили о странном поведении генерального — он прошелся по всем этажам и явно кого-то искал. А потом они видели, как он схватил Самохину за руку и увел в свой кабинет. И вот теперь Большой Босс отчитывает его за таблицы, повторяя слова самого Бродского. Значит, это были не слухи и Самохина важна для генерального?

— Та, которую ты приказал уволить, ошиблась в цифрах? — холодно спросил Дмитрий, отмечая, что начальник финансового отдела наконец-то сообразил, зачем он здесь.

— Нет, не ошиблась, — поспешно ответил Антон Васильевич, сев обратно в кресло и ослабив галстук. Ему стало очень жарко, воздуха не хватало. Вот надо было ему вчера так вспылить.

— Значит, таблица неудобная? — переспросил ровным голосом Большой Босс, опять рассматривая диаграмму Бродского.

— Я понял, извините, — сразу покаялся Антон Васильевич, сцепляя руки в замок. — Я сам виноват. Просто устал вчера и теперь не успеваю доделать отчет к завтрашней планерке, а тут еще колонки все перепутаны, и это тормозило мою работу, вот и вспылел.

— Иди, — отпустил Бродского Дмитрий, отдавая недоделанный отчет. — Еще раз подобное повторится, придется с тобой расстаться.

Оставшись один, Дмитрий вызвал Анну Витальевну.

— Ее уже рассчитали? — указал он на заявление Людмилы.

— Рассчитывают, но документы она еще не забрала.

— Анна Витальевна, проведите экзамен по профпригодности сотрудников бухгалтерии и отдела кадров. Почему уже второй раз не соблюдается установленный регламент? Здесь увольняю только я, остальные могут лишь высказать предложения.

— Но она же сама заявление написала, по собственному.

— Она указала в анкете причину увольнения?

Секретарь покачала головой и мысленно взвыла. Если генеральный захочет проверить исполнение кадровым отделом его распоряжения по поводу анкет, которые должны заполняться при увольнении, то полетят головы! Ведь так сложно найти стрессоустойчивого человека, способного выслушивать оскорбления, ругань и проклятия уволенного сотрудника. А комитет по выявлению нарушений условий труда и аттестации сотрудников так и не был сформирован и существовал лишь номинально!

— Иди, — отпустил он женщину, больше не желая продолжать разговор.

Сама или не сама, кто вообще эту Самохину спрашивал. Приказали — написала, бесхребетная!

Большой Босс взял приказ, порвал его на клочки и выбросил в корзину. Воевич прикрыла за собой дверь и бросилась звонить в отдел кадров. Большой Босс в гневе!

Учеба

Я не знала, как поступить. Все внутри меня кричало, что нужно быстрее собираться и спешить на работу, но один голос был все-таки против, и он напомнил, что я сегодня собралась в кино. Но опять же, если я не выйду по приказу генерального, то, возможно, мне не дадут расчет или мало заплатят. А свои кровные получить хотелось. Скоро Новый год, нужно всем покупать подарки, а не на что.

В раздумьях я пошла советоваться с подругой, которая, как и я, еще нежилась в кровати, а услышав о моих проблемах, вскочила и долго на меня смотрела, смешно моргая.

— Самохина, я чего-то не пойму, — Юлька пятерней почесала грудь, после чего на бледной коже остались розовые полосы. — Тебя уволили или нет? Ты же вроде как заявление написала?

— Написала, — кивнула я, также пребывая в задумчивости. — Наверно, хотят заставить отрабатывать.

— Как отрабатывать? — голос у Юльки зазвенел от злости. Я нахмурилась и не поняла перемены ее настроения.

— Обычно... две недели, — пожимая плечами, ответила я.

— А-а-а, две недели, — сразу успокоилась подруга, почесала пятку, а затем зевнула.

— Так мне идти? — искала я совета.

— Иди, — кивнула та в ответ и упала на подушки, прижимая к груди одеяло, — и дверь захлопни, а то дома никого нет.

Может, правда сходить. Доработаю до середины декабря, всё хоть какие-то деньги. Потом буду подрабатывать в каком-нибудь магазине, а после новогодних каникул вновь начну искать работу.

— И юбку занеси! — вздрогнула я от крика подруги, которая выглядывала в коридор, стоя на коленях и оперевшись руками о край кровати.

— Хорошо, — пробормотала я, защелкивая за собой дверь.

На обед у нас были ленивые голубцы по-деревенски. Я наполнила контейнер от души, ведь я же опять без завтрака! Осторожно протиснувшись в щель, я вошла в бухгалтерию, помахала рукой онемевшим коллегам и по возможности бодро заявила:

— Я вернулась.

Марина Аркадьевна встала из-за стола и, сложив руки на груди, подошла первая.

— Ты долго издеваться над нами будешь? — холодно уточнила она. — Если ты не знакомая Боссов, не любовница и не сестра, то почему тебя нельзя уволить?

— Я не знаю, — честно призналась я и стянула шапку. — Большой Босс не объяснил.

Марина Аркадьевна тяжело вздохнула, опустив на миг глаза, а когда я робко у нее уточнила, для чего меня вызвали: отработать две недели или меня вообще не увольняли, впиалась мне в лицо таким тяжелым взглядом, что чуть душу мне не высосала.

— Никто тебя не увольнял. Генеральный не подписал твое заявление. И если ты хочешь уволиться, то должна сходить к нему и объяснить почему.

У меня словно камень с души упал. Я точно не собиралась объясняться, почему написала заявление. Зачем? Раз не подписал, значит, могу продолжать работать. Коллектив, конечно, мрачный, но жить можно.

— Но ты не переживай. Большой Босс объявил о внутреннем экзамене для бухгалтеров на профпригодность. Ты его точно не сдашь и сможешь наконец отсюда уйти, — нагло заявила мне главбух и вернулась на свое место.

Остальные коллеги смотрели на меня кто с завистью, кто с опаской, а кто и с пренебрежением.

Экзамен на профпригодность? Что это такое? Нам о таком не говорили в институте. Точнее, предупреждали, что скоро его введут. Значит, уже ввели.

Сев на свое место, я хотела было забраться в интернет, чтобы посмотреть, какие могут быть вопросы в этом экзамене. Но Марина Аркадьевна завалила меня работой, велев составить таблицы с фамилиями сотрудников, имеющих детей, а потом вывести общее количество несовершеннолетних, указав их возраст. Праздник же на носу.

От этого занятия меня оторвало сообщение Большого Босса. Тот приказал явиться в его кабинет. Прихватив пакет с едой, я направилась к выходу. Девчонки еще сидели на местах, словно кого-то поджидая.

Когда я приехала на директорский этаж, меня встречали слишком уж радостные секретарши Мария, Олеся и Агата. Они решили со мной познакомиться. Улыбались так, будто скалили зубы в кресле у стоматолога, и все втроем проводили до приемной. Там меня ждала Анна Витальевна. Она распахнула передо мной дверь в кабинет Большого Босса.

— Садись и ешь, — указал он на стол для совещаний. Я по привычке не стала спорить.

Да и как спорить с тем, кто практически не разговаривает. Даже звать не стала. Просто ела, рассматривая пролетающих за окном птиц, соседние здания. Я медленно жевала и думала о своем незавидном положении. Как не завалить экзамен?

Дмитрий Анатольевич пригласил Анну Витальевну. Я краем глаза следила за ее появлением со столиком на колесиках. Она приблизилась к директорскому столу и расставила на нем тарелки, прикрытые железными крышками, как в настоящем ресторане. Любопытство взяло верх, и, пока генеральный был занят, а Анна Витальевна ушла, я приоткрыла одну крышку, вдыхая аромат сливочного супа.

— Ешь, если хочешь, — тут же услышала я голос генерального и испуганно отдернула руку.

— Нет, не хочу, — промямлила я и быстро затолкала ложку в рот. Я очень люблю ленивые голубцы, а вот насчет сливочного супа сомневалась. Его ведь только в ресторанах подают. Дома меня им никто не кормил, а вдруг он невкусный?

Дмитрий Анатольевич присоединился ко мне, когда я уже объелась и, подперев голову рукой, практически лежала на столе. Наблюдать за тем, как человек ест, оказывается, весьма интересное занятие. Оно затягивало, при этом одновременно рушились барьеры страха между мной и Боссом. Наверное, поэтому я осмелилась на откровенный разговор.

— А почему вы не уволили меня? Я же заявление написала по собственному желанию.

— А оно было собственным? — стрельнул в меня хитрым взглядом генеральный, а затем вновь стал рассматривать мутный бульон с плавающими на поверхности грибами.

— Нет, но все же, — заупрямилась я. Очень уж хотелось услышать его ответ.

— Потому что ты не хотела увольняться, — чуть помедлив, все же ответил генеральный. Я загляделась на его губы, на узкий подбородок. У Милого Босса лицо шире и более открытое, а у Большого — острое, цвет лица холодный, под стать его хмурому образу.

— А-а-а, — протянула я, когда поняла, что Босс так же внимательно меня рассматривает. Смутившись, отвернулась и, поковырявшись немного ложкой в остатках обеда, с грустью призналась, что все напрасно: — А меня все равно уволят.

— Почему? — холодно спросил он.

У меня словно мороз пробежал по коже. В кабинете было тепло, а создавалось такое впечатление, будто открыли окно и ворвалась осень.

— Так какой-то экзамен нужно сдать, а я даже не знаю, какие там вопросы. Главный бухгалтер сказала, что я могу не переживать, что вы меня вернули, все равно уволите.

— Экзамен через месяц, успеешь все выучить.

Я подняла на него взгляд, не веря своему счастью.

— Да, за месяц успею, — выпалила я, но тут же сникла. — Только где взять вопросы?

— Я дам.

Я улыбнулась ему, ловя себя на мысли, что сегодня он разговорчивый.

— Спасибо, — от чистого сердца поблагодарила я. У меня даже аппетит проснулся, и я решила съесть еще одну ложку.

— Сдавать будешь лично мне.

От удивления я поперхнулась, а затем чуть не умерла от перелома позвоночника. Рука у директора сильная, и он не рассчитывал силы удара. Вместо спасения так похлопал по спине, что я выгнулась и застонала.

— Ой! Больно же! — возмутилась я и чуть не прикусила язык.

Большой Босс недовольно прищурился, словно хотел сказать мне какую-то гадость, но передумал и просто прогнал:

— Поела, иди.

— Спасибо, — я решила все же быть вежливой и загладить неловкость. Расправив плечи, дошла до самой двери, и тут вдруг Босс остановил меня странным замечанием:

— Есть хребет, оказывается.

Я оглянулась, но Босс все так же сидел ко мне спиной и ел. Какой невозможный человек. Непонятный и мутный.

Неспокойно было в датском королевстве. Подчиненные, как дикие пчелы, были злыми и взволнованными. Роман не понимал, как их успокоить, и обычные приемчики уже не действовали. Еще и бухгалтерия надела на него во время обеда, жалуясь на выходки Большого Босса, который устроил им очередную головомойку, заставив всех готовиться к экзамену на профпригодность. И это в канун Нового года! Жестоко даже для Негласного. Обычно он принимал во внимание жизненные обстоятельства и всегда выносил правильные и справедливые решения.

В сомнениях Роман вышел из бухгалтерии, куда его вызвала Мариночка и слезно упрашивала поговорить с другом. Все знали, что Негласный с Романом были именно друзьями, и многие пользовались этим, пытаясь повлиять на мнение Большого Босса через него. Правда, они не понимали, что генеральный директор не слушал ничьих советов. Вдобавок ко всему он еще и строил самого Боброва, нередко спасая его семейный бизнес и состояние.

Причина странного поведения Дмитрия Роману не нравилась. И именно он чувствовал себя виноватым в особенном отношении, как выразилась Мариночка, Димки к смешной девчонке Людочке. Если бы не обеды, которые так часто пропускали друзья из-за работы, то, возможно, Димка и не обратил бы внимания на новую сотрудницу.

Задумавшись, Роман прошел мимо кухни, где сотрудники обычно пили кофе или чай, но вдруг заметил объект своих размышлений. Людочка стояла с кружкой в руках и с кем-то разговаривала. При этом она звонко смеялась, прищуривая голубые глазки. Оглядев пустой коридор, Бобров подкрался ближе, чтобы увидеть собеседника. Им оказался молодой приятной наружности брюнет с простоватым лицом и светлыми глазами. Типичный офисный планктон в пиджаке и галстуке. Ничего примечательного. Людмила, на которой была стильная блузка из прошлогодней коллекции Pink Tartan, уже потерявшая вид, тоже смотрелась невыразительно. Столько денег впустую! Роман расстроено вздохнул, задумавшись, что такого разглядел в этой простой девчонке Негласный. Он, конечно, и сам не писанный красавец, да и вкус ему привил именно Роман, но любовь всей Димкиной жизни была моделью с мировым именем. Татьяна по сравнению с этой просто богиня. И блондинка, хоть и крашенная. Опять же — рост, длинные стройные ноги, а тут что? Роман вздохнул, в очередной раз приглядываясь к Людмиле. Она опять рассмеялась, прижимая кружку к животу.

Бобров усмехнулся. Все же было в ней что-то притягательное. В каждой женщине есть искра, которая манит мужчин. Но в некоторых она быстро гаснет, и интерес пропадает. Женщина должна быть словно пламя — прекрасной и опасной. Мужчина ищет именно ту, которой способен покориться, сгореть в ее пламени, положить на алтарь любви свое сердце. А Люда вызывала лишь улыбку. Хотя поиграть можно. Димка слишком усердствовал на работе, нужно его немного отвлечь — подержать хмурого тигра за усы, чтобы перестал терроризировать Мариночку и ее девочек. Да и Анечка совсем с ног сбилась, выполняя поручения Негласного.

Трудоголик Димка порой не чувствовал, когда стоит попридержать узду. К концу года люди и так устали, а он решил устроить им проверку. Ну ничего, немного встряхнуть Димку можно, ему на пользу пойдет.

Бобров, заранее представляя лицо друга, направился к лифту, улыбаясь своим мыслям и настраиваясь на хорошую игру. Хотелось бы понять истинные мотивы Негласного по отношению к Люде. Ведь не влюбился же он в Самохину. Тем более после болезненного

разрыва с Татьяной. Это невозможно. Такие женщины бесследно не уходят. Они оставляют в груди кровоточащую рану. И за два года эта рана не затянулась, да и Татьяна не пряталась и часто мелькала на обложках модных журналов. Хотя хорошо, что она умотала во Францию, подальше от убитого горем Дмитрия.

Отсалютовав радостным секретаршам, Роман сразу прошел к Негласному в кабинет, по пути послав Анютке воздушный поцелуй. Друг сидел за рабочим столом серьезный и занятой.

— Вот скажи-ка мне, Дима, какая оса тебя укусила накануне зимы? Вроде и насекомых уже нет.

Роман сел в кресло посетителей, положил руки на подлокотники, а ногу небрежно закинул на ногу.

— Давай по существу, — Дмитрию не хотелось отрываться от контракта, который нужно было подписать сегодня же.

— Что за новость по поводу профэкзамена, да еще перед самым Новым годом? Такой ты решил устроить девчонкам подарок? Уволить вместо премии?

Дмитрий усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

— То есть ты тоже считаешь, что кадровики и бухгалтеры у нас работают некомпетентные и пора нам их менять?

— Эй, — тут же оскорбился Роман и внутренне собрался, готовый защищаться от нападок ехидного друга. — Я такого не говорил, это ты решил устроить им проверку.

— Ты именно это и сказал, что под Новый год у нас будут вакантные места в бухгалтерии и в отделе кадров.

Вот зря он не поверил Мариночке, а ведь она так и заявила, что Босс в гневе и спасти их может только Бобров.

— Дим, да что с тобой опять? Ты чего злой такой? Не говорил я ничего подобного.

— Сказал, — неумолимо заверил его друг, слегка прищутив серые глаза, — что вместо премий будут увольнения. А я все же надеялся, что экзамен сдадут все. Это придаст им уверенность, что они знают бухгалтерский учет, а заодно вспомнят должностную инструкцию, которую подписывали при приеме на работу. В чем проблемы?

Роман закатил глаза.

— Ты невыносим, Дим. Так нельзя. Они же женщины, а ты их совершенно не жалеешь. Что они тебе сделали? Отчет неверный предоставили или что? Людочку твою по ее собственному желанию рассчитали? Из-за нее все?

Негласный замолчал и не стал отвечать на выпады друга. Однако Роману и так стало все ясно. Люда, ну из-за кого же еще все это.

— Дим, давай отложим хотя бы до января.

— Издеваешься? — не выдержал Дмитрий и покачал головой. Как же друг был далек от действительности! Он был способен лишь тратить деньги и искать нужные связи для бизнеса. — С января по апрель путь в бухгалтерию заказан, Ром, пока они за год не отчитаются, а потом за первый квартал. И ты это прекрасно знаешь или опять забыл, что Марина Аркадьевна в мае всегда берет отпуск, чтобы успокоить свои нервы на берегах ласкового моря? А ты, между прочим, ей это все оплачиваешь!

Бобров немного растерялся такой длинной отповеди. Не похоже на Дмитрия. Он никогда не опускался до пространных объяснений, сказал нет — и все, а там сиди и догадывайся.

— Хорошо, понял, но тогда, может, на лето перенесем? — не оставил попыток

отсрочить экзамен Роман, переживая за девочек. Они так просили у него помощи. Очередной мольбы он просто не вынесет. Нервы же не железные.

Молчание затягивалось. Наконец Роман поднял руки, сдаваясь, а потом хлопнул по подлокотникам и встал.

— Ладно, твоя взяла. Экзамен так экзамен.

Негласный добродушно усмехнулся и хотел было вновь погрузиться в чтение, но Роман ему не позволил.

— Да, кстати. Я тут видел, что у твоей Людмилы ухажер появился. Ты бы поторопился, а то ведь уведут.

Дмитрий недоуменно взглянул на вновь улыбающегося во все тридцать два зуба друга.

— А при чем тут я?

Улыбка тут же сползла с лица Романа. Не такой реакции он ожидал от Дмитрия. Хотя, возможно, друг не понял, на что он намекал.

— Говорю, уведут девчонку из-под носа, если будешь медлить. Может, признаешься ей в своих чувствах, вдруг ответит.

Поджав губы, Негласный беззвучно рассмеялся.

— Ром, мы не в универе и уже не студенты. Вспомни, что ты хозяин торгового центра, и займись им. У меня сегодня нет времени на отчеты по продажам. Надеюсь, ты справишься сам.

Бобров раздраженно цокнул языком, понимая, что Дима опять его легко поставил на место. Он терпеть не мог делать отчеты по «Изольде», и если бы не раздраконил друга, то он бы не взвалил на него эту неприятную обязанность. Куда легче тусить в модных барах, выискивая потенциальных клиентов, которые способны выложить деньги за свою раскрутку. У него были планы на вечер, но, судя по кривой ухмылке Негласного, их придется отложить до завтра.

— Хорошо, не буду тебе мешать.

— Иди, — кивнул Дмитрий, отпуская непутевого друга.

* * *

— Он такой веселый, столько всяких анекдотов знает, — расхваливала я Юльке своего нового знакомого Артема из креативного отдела.

В ответ я слушала про Егора и про то, что курсант — это тот же солдафон, никакой разницы. Разговор между Юлей и Егором не сложился, хотя подруга у меня из говорливых, но что-то не пошло. Зато у меня все было отлично. Зайдя после обеда на кухню выпить кофе, я столкнулась с Артемом и минут десять только и делала что смеялась. Наконец-то стали появляться настоящие коллеги, а не шипящие змеюки.

Я прекрасно понимала, что по моей вине им всем отделом придется сдавать экзамен, даже Антону Васильевичу. Со вчерашнего дня он к нам больше не заходил, и, наверное, это к лучшему: если еще и он начнет на меня шипеть, то вообще непонятно, как работать дальше.

Успокаивала я себя тем, что Артем приглашал меня приходить обедать на кухню, если что. «Если что» — это если Большой Босс перестанет настаивать на совместных обедах. Артем легко поверил в то, что я не знаю причину такого упорного желания Дмитрия Анатольевича трапезничать со мной. Мы решили, что он, наверное, видел во мне младшую

сестру. Это объяснение мне казалось более правдоподобным, ведь не на домашнюю же еду он позарился, да и не ел он сегодня мой обед.

[Купить полную версию книги](#)